

Дмитрий Ильич Раскин

Судьба и другие аттракционы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7317056

*Д. Раскин. Судьба и другие аттракционы: Повести: Водолей; Москва; 2014
ISBN 978-5-91763-198-1*

Аннотация

Дмитрий Раскин – писатель, поэт, драматург, работающий на стыке литературы и философии. В книгу вошли три фантастические повести – три напряженных, захватывающих сюжета, объединенных философской и нравственной проблематикой. Герои произведений Раскина борются со страстями и фобиями, перерастают свои мечты и надежды, свое понимание Добра и Смысла, собственные проекты рая. Ситуации, в которых они оказываются – будь то встреча с внеземным разумом, исследование открытых ими миров или же фантасмагорические игры в Чехии, – заставляют их всматриваться в глубину бытия и в самих себя пристально и беспощадно, и не всем им удастся выдержать это напряжение.

Повести построены на сочетании фантастической интриги, философской притчи, жесткого психологизма..

Содержание

Земля второй попытки	4
1. Альфа и Омега	4
2. Станция	9
3. Мэгги	11
4. Ульрика на связи	17
5. Допрос профессора Снайпса	20
6. Экскурсия	30
7. Допрос Ульрики Дальман	31
8. Допрос Энди Клиффорда	34
9. Олени	36
10. Странная ночь	38
11. Космические туристы	40
12. Встреча	43
13. Гости знакомятся с планетой	46
14. Гости в лаборатории	48
15. Кто же они такие	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Раскин

Судьба и другие аттракционы (сборник)

Земля второй попытки

1. Альфа и Омега

Кели первым, как и положено вожаку, подошел к добыче. Ударом заостренного камня, в один удар, как умеет только он, пробил вздувшееся брюхо гигантского быка, сунул руку, рывком вытащил кишку, откусил от нее, откусил еще раз к восторгу всего племени предвкушающего трапезу, пиршество, неделю абсолютной сытости. Потрепал волосы счастливого, распираемого мальчишеской гордостью Тови, ведь это он нашел падаль. Указал на Драю – вот, кто подойдет к туше вторым. Все поняли, что это значит. И Драй понял. Вожак признал его силу, его право. Стоящие за спиной Драя Рет, Крер и Оу устыдились своей вчерашней робости, своего минутного страха перед тем как шагнуть вслед за ним, когда он встал на пути вожака. И вот теперь они сами сильны, как Драй. А Кели отступил и это только первый шаг назад, сделанный им перед лицом их силы. Скоро он сделает второй, третий, а потом...

Драй вышел из толпы. Медленно, очень медленно направился к туше, под восхищенными взглядами одних, под недоверчивыми других, под враждебными, угрюмыми взглядами приспешников Кели... Таги, младшая жена Драя, от волнения и гордости за своего мужчину потекла.

Драй подошел к туше, он благодарил Кели. Эта благодарность сильного за то, что его избавили от необходимости доказывать свою силу, драться за признание очевидного факта своей силы.

Кели обнял его. «Да. Ты второй, Драй. Это так». Драй ответил объятием, склонил голову перед Кели, подставил свой затылок под поглаживание вожака. «Да. Я второй. Это так». Но голова его склонена в неглубоком, чисто символическом поклоне. «Я второй сегодня. А завтра, как знать, уже я поглажу твой мощный загривок своей снисходительной, примиряющей тебя с твоей новой судьбой ладонью». Лицо Драя выражало счастье.

Кели ударил камнем в то самое место, на котором только что держал свою благостную длань мудрого и несколько уже уставшего от собственной власти вожака. Ударил тем своим камнем, которым пробил брюхо гигантского быка. Голова Драя оказалась куда податливей.

Ужас племени, переходящий в восторг. Под этот «переход» Кели помочился на труп своего врага, на кровавое месиво затылка того, кто только что был «вторым».

По кивку Кели несколько его присных бросились к женам Драя, вырвали у них детей. Одного, грудного, просто сломали об колено. Трех других, что постарше, убили дубиной, вышибли им мозги. Две жены Драя с криками катались по земле, раздирая себе лица в кровь, младшая жена Таги мертвой хваткой вцепилась в ногу того, кто тащил тельце её ребенка к обрыву.

Племя по знаку Кели набросилось на бычью тушу. Они съели примерно треть. Остальное было завалено камнями и кусками льда.

К концу трапезы жены Драя присоединились ко всем, успели взять, соскрести с костей сколько-то мяса. Потом, когда наевшееся до отвала племя улеглось, стервятники наконец-то сумели заняться костями.

Глеба снова рвало, выворачивало наизнанку, пусть давно уже было нечем, тем мучительнее были спазмы.

– Ничего, ничего, – не отрываясь от иллюминатора, говорит ему профессор Снайпс. – Вы не должны стыдиться, молодой человек. Мы все с этого начинали.

– А теперь у нас у всех то, что обычно называют профессиональными деформациями, – добавил Энди перед тем как надкусить свой бутерброд.

– Вам надо было это увидеть, господин проверяющий, инспектор или кто вы там? – бросила Глебу Ульрика. – До того как вы приметесь поучать нас, объяснять, что мы делаем не так.

– Вы, Глеб, – Энди сделал глоток кофе из своей чашечки, – очевидно, сейчас в затруднении: пространство вы пересекли или же время? То есть вы на планете номер сто двадцать пять три нуля шестьдесят восемь или на нашей исконной Земле этак сто или двести тысяч лет назад? Так я вам скажу: на Земле и похуже было.

– Тебе ли, Энди, не знать, – мрачно съязвила Ульрика.

– Во всяком случае, мы здесь не видели прелестей антропофагии, – парировал Энди. – А человечество тем не менее прошло-таки путь, – Энди глянул в иллюминатор, – от Кели до профессора Снайпса и инфженера-генетика Ульрики Дальман – бескорыстных рыцарей Добра.

В иллюминаторе было видно, как Кели взгромоздился на Таги, младшую жену Драя. Та закрыла глаза от отвращения, но после нескольких его быстрых мощных движений начала получать удовольствие от процесса. И вот уже ритм у них становился общим.

Глеб согнулся пополам от нового рвотного спазма.

– Энди, почему ты так упорно, догматично отрицаешь качественную разницу между всем вот этим, – Ульрика кивнула на картинку в иллюминаторе (они смотрели с расстояния метров пятнадцать-двадцать), – и земным палеолитом?

– С удовольствием, с превеликой радостью перестану отрицать, как только ее обнаружу. – Энди допил свой кофе. – А пока что я и количественной не выявил. Всё остальное, милая Ульрика, это уже нервы, воспитание, культура. Не более. Но «качественная разница» неплохо успокаивает твою совесть, не правда ли?

– Заткнись, – огрызнулась Ульрика.

– А наш герой тем временем, – Энди наблюдал в иллюминатор за финальными содроганиями Кели, – в очередной раз воспроизвел свои доминантные гены.

– Знаешь, Ульрика, – сказал профессор Снайпс, – я, как и Энди, не вижу «качественной разницы» и это ничуть не мешает мне делать свое дело, реализовывать свой план, в полном сознании собственной правоты.

– Это *отсутствие разницы*, в котором вы, профессор, убедили себя, мне кажется, вас и вдохновляет. Скажете, не так? – Ульрика говорила спокойно и зло.

– А ведь ты права, – кивнул Снайпс после некоторой паузы. И тут же Глебу:

– Но вы, молодой человек, не обращайтесь внимания. Это наши старые дразги.

Глеб наконец сумел распрямиться, вытер салфеткой лицо. Механический уборщик тут же вытер за ним на полу и забрал салфетку.

– Я всё понимаю, профессор Снайпс, – начал Глеб, – и ваш пафос, что сквозил во всех ваших донесениях на Землю...

– Слишком книжно, мой мальчик. – В этой рисовке профессора Снайпса была и самоирония, во всяком случае, так показалось Глебу. – Скажи проще: созерцание подобных картинок, – профессор кивнул на иллюминатор, – вызывает вполне определенное нравственное чувство. И чувство это требует отбросить всю эту нашу терапию, дабы перейти к вполне хирургическим методам. При этом разум осуждает сам наш эксперимент как безответствен-

ный, непредсказуемый по последствиям и терапию нашу считает аморальной. Ты, сынок, сдается мне, человек разума, так?

– Я не знаю, профессор. Оказалось, не знаю.

Энди подал Глебу стакан воды. Тот машинально взял, сделал большой глоток, закашлялся.

– Думаю, отведенного мне времени хватит, чтоб разобраться, – сказал Глеб.

– В самом деле? – усмехнулась Ульрика.

– Ладно, Ульри, – остановил ее Энди, – не дергай его. Ему и так сегодня досталось.

– Кстати, профессор, – Ульрика переключилась на своего босса. – Вы хорошо всё сказали, как всегда, впрочем.

– Из такого вступления следует, – пояснял Глебу профессор, – что юная леди сейчас нанесет беспощадный удар.

– Но, – продолжала Ульрика, – есть одно «но», сэр. То, чем вы занимаетесь, и есть хирургия.

– Я же говорил! – обрадовался Снайпс.

– При всем моем, деликатно говоря, несочувствии ее теориям, она права, профессор, – сказал Энди.

– Я попробую... я должен понять здесь. – Глеб допил воду и смотрел, куда можно поставить стакан.

Механический уборщик забрал у него стакан и смахнул несколько капель воды с его одежды.

– Похвально, Глеб. – Ульрика подошла к нему вплотную. – Понять, разобраться, это хорошо. Так вот для полноты понимания: Драй родной брат Кели.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Глеб.

– Но здесь некому спросить: «Кели, Кели, где брат твой, Драй? Во всяком случае, пока», – ввернул Энди.

– Заткнулся бы ты лучше, а?! – эта почти до слез злость Ульрики.

– Всё, пора, – скомандовал Снайпс. – Энди, приступай.

– Есть, сэр. – Энди встал за пульт управления. – Но я остаюсь при своем мнении.

Невидимый и неслышный для племени аппарат землян оторвался от грунта и завис над стоянкой. (Старт аппарата для племени был внезапной волной мощного, но тут же затихшего ветра.)

– Может быть, вы все-таки скажете мне, что собственно... – попытался Глеб.

– После, мистер Терлов, после. На сегодня ваше дело только смотреть, – оборвал его профессор. Добавил примиряющее:

– Завтра, на станции я отвечу на все ваши вопросы. – Повернувшись к Ульрике:

– Прошу вас, мисс.

Ульрика разблокировала излучатель и нажала пусковую кнопку.

На поляне племя собирало ягоды. Что-то на первый взгляд похожее на дикую клубнику, но куда крупнее и с большой коричневой косточкой внутри. Если ягода съедалась, косточка не выбрасывалась. Они складывали косточки в выдолбленный из куска дерева чан. Интересно, что они приготовят из косточек после? В такой же чан, стоящий рядом складывались целые ягоды. Впрочем, они не только делали запасы, но и угощали друг друга. Поначалу это показалось Глебу какой-то любовной игрой. Но оказалось, угощали не только юноши девушек, девушки юношей – все угощали всех. Кажется, все здесь были сколько-то влюблены во всех.

Со стволов деревьев они снимали то, что Глеб принял за грибы, но это оказалось чуть ли не устрицами какими-то.

– Да-да, мы так и называли их сухопутными устрицами, – усмехнулся Энди.

Устрицы давались нелегко. Они снимали их специальными палками. Малейшая неточность и устрица длиной сантиметров тридцать-сорок вместо того, чтобы быть насаженной на острие падала вниз и разбивалась вдребезги. То, что было снято с дерева невредимым, опять-таки складывалось в специальный чан.

– Кажется, здесь торжествует трудовая теория происхождения человека, – сказал Энди.

Глебу показалось, что он издевался не столько над трудовой теорией, сколько над Ульрикой.

– Интересно, – продолжил Энди, – сколько тысячелетий уйдет у них на то, чтобы они догадались выращивать устрицы возле своих жилищ на маленьких столбиках?

– Спроси у нашего шефа, – фыркнула Ульрика.

– Я подумаю, – кивнул профессор Снайпс.

– Уж сделайте милость, – строил гримасу Энди, – очень хочется дожить до результата.

Ну да, конечно, думал Глеб, они ускоряют чужой прогресс. Зло это или же благо, веками этот спор был умозрительным для человечества, и вот теперь ему – Глебу придется быть в нем чем-то вроде арбитра, оценивать первые результаты.

Они угощали друг друга сочным мясом устриц... Ни сколько-то значимой иерархии и уж точно никакой борьбы за иерархию, никаких группировок и прочего. Все радовались всем. Радовались теплоте светлоте дню, солнышку, небу, самому ходу жизни. Вот юноша замер, пораженный красотой пейзажа. Вот девушка зачарована игрой светотени в листве.

– Такие картинки, я полагаю, вам несколько больше по вкусу, мистер Терлов? – усмехнулся профессор Снайпс.

– У меня они вызывают примерно тот же рефлекс, что был у нашего гостя при знакомстве с племенем Кели. – Тут же встрял Энди.

– То племя мы называем племенем альфа, – пояснила Ульрика Глебу. – А это племя омега, – сказала Ульрика с придыханием.

Энди хихикнул.

Двое мужчин вынесли на поляну старуху с парализованными ногами, усадили ее на траву, вручили огромную устрицу, положили перед ней пригоршню ягод на большом листе.

– Племя альфа, если отвлечься от наших эмоций, не показало ничего такого, чего не могли бы сделать наши предки на Земле. Эти же, ой, извините, племя омега пока что не потрясло каким-то немыслимым для Земли добром или же недоступной земному человеку гармонией, – комментировал Энди.

Ульрика возмущенно отвернулась.

– Да-да, он прав, – профессор говорит Ульрике, не отрываясь от иллюминатора, – всё меркнет по сравнению с моей добротой и снисходительностью как руководителя проекта.

На поляне возник спор. Двое мужчин собирались выяснить отношения. Ну, точно, из-за женщины.

– Кажется, сейчас сцепятся, – говорит Энди. – Никакого уважения к многолетним усилиям профессора Снайпса. Полнейшее презрение не только к Ульрике Дальман, но и к генной инженерии в целом.

Женщина, которая была предметом раздора, подошла к конфликтующим, обняла сначала одного, потом другого, что-то такое шептала каждому, успокаивала и успокоила, примирила их друг с другом и с ситуацией. Потом отдалась сначала одному, потом другому. И всё так по доброму, искренне, человечно. И в мужчинах не было (теперь не было?) того, что писатель когда-то назвал «жестоким сладострастием».

– А ведь что-то в этом есть, – кивал каким-то своим мыслям Энди. – Но, обратите внимание, сейчас победила природа, социальная природа этих людей, а не вся эта генетическая модуляция по методике нашей Ульрики.

– Вот и хорошо, что природа, – ответила Ульрика. – Слава богу, что природа. Значит, мы помогаем природе, а не насилуем ее.

– Блажен, кто верует, – усмехнулся Энди.

– Я понимаю, конечно, – Ульрика обращалась к профессору Снайпсу, – помогать природе не столь престижно, конечно, нежели создавать ее вновь, не так захватывает дух...

– Вам не надоело еще, мисс? – профессор морщился как от зубной, пусть и не острой, но всё-таки боли. – Сколько можно?

– А сколько можно вам? – не унималась Ульрика.

– Ничего, я уже близок к тому, чтобы найти ген занудства, – профессор попытался разрядить обстановку, – и вот тогда мы решим проблему Ульрики раз и навсегда.

– А вот это уже *грань*, профессор, – подхватил Энди. – Та самая, за которой генная инженерия посягает на самую суть человека.

Но даже благодаря его усилиям обстановка не разрядилась. Чувствовалась, что и профессор и Энди подхлестывают самих себя, принуждают самих себя к остроумию и жизнерадостности.

– Мы давно уже стали заложниками собственного эксперимента, – поясняла Ульрика Глебу, – но остановиться будет бóльшим преступлением, нежели довести до конца.

Глеб вздрогнул от этого слова, профессор и Энди и ухом не повели. Видимо, «преступление» здесь давно уже стало затертым штампом, Глебу сделалось нехорошо.

Все участники любовного треугольника приступили к сбору ягод на поляне.

– Послушай, Ульрика, – повернулся к ней Энди, – неужели твое христианское чувство не восстает? – он указал на «треугольник», – неужели твое прошлое христианской миссионерки не требует...

– Если нет насилия, – не дала ему договорить Ульрика, – если любовь, – то это и есть христианство... То есть оно будет, когда придет время.

Троица на поляне, кажется, решила повторить.

– Э-э, ты куда, деточка, – скептическая гримаса профессора, – а ведь ты принуждаешь себя сейчас, пусть и со всей искренностью... Душа-то, хе-хе, требует иного. И ручки-то тянутся к генномодифицирующему скальпелю?

– Душа перебьется! – резко сказала Ульрика. – И по куда́ как более важным поводам. А уж из-за таких пустяков. Есть и другие, отличные от наших, формы доброты и человечности. Понимаю, что это легче провозглашать, чем...

– Пора, – перебил ее профессор.

– Да, сэр. – Энди встал к пульту.

Невидимый для людей на поляне аппарат поднялся и завис над ними, только внезапный, но тут же улегшийся ветер сдул ягоды с листа, лежащего перед женщиной с парализованными ногами.

Ульрика разблокировала распылитель и нажала пусковую кнопку.

2. Станция

Расположенная на горном плато с высоты она была похожа на жилище каких-то богов, но не олимпийских, а, наоборот, хтонических. И все эти модули, кубы лабораторий, вся эта техника – всё должно было находиться под землей и лишь по чьей-то нелепой прихоти оказалось в верхней точке, над ландшафтом. Но когда они приземлились, вышли из кабины аппарата, это чувство исчезло. Космодром как космодром, лаборатории, все эти ползающие, шагающие, летающие механизмы были вполне обычными, только несколько устаревшими, что придавало им даже некую трогательность, как всегда выглядит трогательным, уютным и едва ли не одушевленным то, что в стиле ретро.

– Да-да, – угадал ход мыслей Глеба профессор Снайпс, – нашей станции без малого два столетия.

– Два земных столетия, – кивнул Глеб.

– За это время на Земле столько уже было техногенных революций, а у нас здесь, молодой человек, все еще двадцать третий век. Есть, конечно, и новинки, – профессор указал на транспространственный гравитолет, – но сами понимаете, транспортный корабль в нашу глухомань слишком большая роскошь для НАСА. Да и с учетом времени полета... Все техногенные новшества устаревают морально по пути. Так что мы здесь, – профессор состроил гримасу, сказал, очевидно, пародируя какой-то публицистический штамп: – «на переднем крае Контакта», но с весьма архаичным оборудованием. А клише, которое я сейчас переразвивал, вы вряд ли помните, оно из моей юности. А я здесь, – профессор потянулся, разминая затекшие за время полета ноги, – без малого двадцать лет.

– Каких лет? – Глебу сделалось стыдно за этот вопрос.

– Моих, молодой человек, моих собственных, что составили как раз два земных века. Мои коллеги, – профессор показал на Энди и Ульрику, – здесь уже пять лет без одного месяца, Ты, – он опять говорит Глебу «ты», – вот сейчас пытаешься представить Ульрику топлес, а останься она на Земле, ты бы, встретив ее где-нибудь у супермаркета, спросил: «Мэм, не помочь ли вам перейти улицу?! Или: «разрешите, я доведу вашу тележку до машины».

– Всё! – Ульрика улыбнулась Глебу. – Теперь, разговаривая со мной, ты будешь представлять меня в моем земном возрасте. Надеюсь только, всё то, что будет раздражать тебя в моих словах и взглядах, ты не спишешь на мой старческий маразм.

– Ульрика, ты, как всегда, слишком многого требуешь, – сказал Энди.

Им навстречу шла высокая чернокожая девушка в летной форме. Этот костюм астронавта Глеб видел в музее под стеклом, на манекене, рядом с куклой в костюме гренадера XVIII столетия и женским манекеном в кринолине.

– Добрый вечер, – улыбнулась девушка.

– Познакомьтесь, – сказал профессор, – это наша Мэгги.

– Мэгги, – девушка подала руку Глебу.

– Глеб Терлов. – Энди представил Глеба, не дав раскрыть ему рта, – наш инспектор.

– Ну, инспектор, это громко сказано, – попытался Глеб светским тоном. – Просто нам нужно будет уточнить кое-какие позиции, не более.

– Мэгги проводит тебя в гостевой коттедж, – сказал профессор Глебу, – отдыхай, расслабляйся, мы тебя сегодня измучили, уж извини, но ты должен был увидеть всё это вживую, так сказать, пощупать руками.

Глеб поморщился от этого, «пощупать руками», но профессор Снайпс сделал вид, что не заметил.

– Мы же все трое пойдем в лабораторию, поколдуем кое над чем. – Профессор подал руку Глебу, прощаясь.

– Не волнуйся. – Вслед за профессором пожал ему руку Энди. – Это не для того, чтобы замести следы перед завтрашней твоей проверкой. Всё давно уже замечено, пока ты летел в своем звездолете. Как понимаешь, у нас времени для этого было предостаточно, и земного и местного.

– Не обижайтесь на них, Глеб, – подала руку Ульрика, – Никто не любит, когда их проверяют. Пока.

Станция. Не поселок. И уж тем более не городок. А станция именно. Несмотря на двадцать лет жизни профессора Снайпса здесь. Несмотря на четыре смены – вахты астронавтов по пять лет каждая. Несмотря на двести лет там, на Земле, в конце концов. Почему станция? Потому что не собираемся обживать, обживать планету, пускать корни, колонизировать, становиться филиалом Земли, окраиной человеческой ойкумены в Космосе. Сделаем свое дело, доведем до конца эксперимент и уйдем. Независимо от удачи своей, неудачи, триумфа ли, катастрофы уйдем навсегда. Мы не собираемся стать народом этой планеты (не случайно ей так и не утвердили имени, оставили под номером из каталога), не намерены быть богами для ее обитателей (а изначально планировалось так!), сотрем за собой все следы пребывания нашего здесь. Ни одного целлофанового пакетика, ни фантика (если уж фигурально) не останется после нас.

Станция – она *вне*. Чужеродна этому миру и должна таковой оставаться. Она могла быть на планетарной орбите, но нам удобнее здесь, на плато, удобней и только. Наш дом – Земля. Мы работаем для Земли, за ради земной науки. Где бы ни жили люди сейчас, какие бы миры не осваивали, какие пространства не преодолевали – они земные, несут с собой свою Землю, во всяком случае, пока. И пусть это самое «пока» длится как можно дольше. Вот поэтому именно *станция*.

3. Мэгги

– А вот это уже жилая зона, – пояснила Мэгги.

Глеб ахнул. Домики под черепичной крышей, цветы на окнах, крошечные палисадники. Точная копия голландской деревушки.

– Мой дизайн, – сказала Мэгги со сдержанной гордостью. – Надо же что-то противопоставить этому миру. – Добавила: – Этому миру вообще и племени альфа, в частности.

– А что? – начал было Глеб.

– Да-да, – поняла его Мэгги. – Это племя давит на нас. Мы при всем нашем могуществе и сверхмогуществе, при всех наших звездолетах, киборгах, лабораториях, при всех наших возможностях испепелить эту планету в одно мгновение вдруг наткнулись на какую-то свою зависимость от них.

– Что, так и тянет раскроить череп профессору Снайпсу? – Глеб вообще-то хотел спросить в шутку.

– Не только в этом дело, – серьезно ответила Мэгги. – Они подкупают своей свободой и обаянием мощи.

– Вот насчет обаяния не надо. Я сегодня всю кабину заблевал под впечатлением их обаяния.

– Это нормально. У некоторых поначалу были куда как более бурные физиологические реакции. Так что вы, будем считать, испытание выдержали, – она улыбнулась, – прошли инициацию.

– Спасибо, Мэгги.

– Их обаяние начинаешь чувствовать не сразу. Сначала как будто и не всерьез, но с какого-то момента вдруг...

– Вы говорите таким тоном, – перебил ее Глеб, – как будто это какая-то реальная угроза для нас. Но вот возьмем ученых, посвятивших жизнь изучению львов: они влюблены в них, увлечены своим делом, восхищаются красотой и силой этих животных, но они знают о львах всё, не идеализируют их и уж тем более не собираются им подражать.

– Вы не понимаете. – Протестующий жест Мэгги. – Это другое. Совсем другое. Вдруг с ужасом осознаешь, что тебе не хватает их свободы и мощи.

– Что?!

– Странно, казалось бы, да? – продолжала Мэгги. – Отнять кусок у соседа, у ребенка, если бы на станции были дети. Быть изнасилованной своими, попавшими под обаяние племени альфа, коллегами в грязной луже, на глазах у всех. Разве кто-нибудь из нас хотел бы чего-нибудь такого?.. Кстати, вполне вероятно, что и хотел бы. И чего-нибудь такого, и чего-нибудь похлеще. Но это всё от фантазии, это нравственная похоть, причуды души и духа. А свобода и мощь людей племени альфа – до духа, души, нравственности, до всех этих наших извивов нравственности, до игр духа с самим собой. Вот где соблазн!

– Но это же свобода от сложности! – поразился Глеб. – От того, что и делает нас людьми.

– Мы все поначалу именно так и отвечали самим себе, – кивнула Мэгги. – Я на эту тему лекции читаю нашим. Да, человек многократно пытался избавиться от собственной сложности, но это опять же было от фантазии, ума, извращенной духовности, притупленной или же наоборот, обостренной нравственности, что порождали идео- и мифологемы, так? Мы знаем цену всяческим *измам*, да? Человечество выстрадало это знание. А тут свобода от сложности вне *измов*. Опять-таки до фантазии. Свобода и иллюзия невинности. А мы не готовы сопротивляться. Но есть и другая грань такой свободы. Мы не просто, как Энди сказал однажды, «наелись собственной сложности», это было бы полбеда... То, что наше и

в нас от сложности, из неё, благодаря ей и только, – оно не нравится нам. Мы поняли вдруг. Мы не хотим. Но знаем, что мы – только это. И это лучшее в нас.

– И потому *назад*, да? В джунгли, в пещеры? – не дал ей закончить Глеб.

– Вперед, – ответила Мэгги.

– Но к чему? – недоумевает Глеб.

– Я пока что не знаю.

– Но всё это не так уж сложно отрефлексировать в себе, – сказал Глеб. – А отрефлексировав, ну, если не победить, не выкорчевать, то хотя бы держать в рамках.

– Вот именно этим мы и занимаемся, – усмехнулась Мэгги. – И вроде бы как успешно. На четвереньки у нас никто не встал, во всяком случае, пока. Но скажи-ка, Глеб, ты что, никогда не уставал от сложности? От своей собственной или же от сложности, так сказать, бытия? Чтобы так, до тоски, до воя, до какого-то, пусть не всерьез, конечно (а здесь оттенок особый – мельче и гаже когда не всерьез), желания руки наложить на себя?

– Да, наверное... – задумался Глеб.

– А почему вся эта хваленая *сложность* достигает самой себя, раскрывает самоё себя, главным образом в собственных неудачах, провалах и тупиках? И вот здесь опять возникает соблазн свободы и мощи племени альфа, понимаешь?! То, что это свобода *до* всего – это еще можно выдержать, обернуть против неё самой. Но само это *до* вдруг совершает метаморфозу в твоём сознании – оно не хуже, не проще, а *глубже*. А «всё» – это самое «всё», включая душу, дух, фантазию, нравственность с их нечистотой, ошибками, преступлениями, самообманом – это лишь так, поверхность, внешний слой, может быть, камуфляж. И с этим открытием надо как-то жить, даже если ты подавил это в себе, разоблачил, убедил себя в обратном. В этом во всем тебе случайно не поручили разобраться в НАСА?

– *Сложность* не дает счастья, полноты и целостности бытия. Ты же пытаешься сейчас об этом? Но других путей ко всему этому просто нет! Даже если *сложность* и не дает, только она *может дать*.

– На том вот и стоим, – улыбнулась Мэгги. – Во всяком случае, пытаемся. Но скажу честно, это твое «может дать» слишком хлипкая опора.

– Но мне кажется, она единственная, – сказал, почти прошептал Глеб. – Всё, что надежней, прочнее, имеет изъяны...

– Да хоть бы и так, – перебила Мэгги. – Не надо анатомировать *сложность*. Надо более-менее поверхностно принять её. Что и происходит, по факту.

– Ты в этом видишь противоядие против соблазна племени альфа?!

– Я пытаюсь реально смотреть на вещи. – Она пожала плечами.

– Человек научился жить в ситуации непредсказуемости, – жестикулировал Глеб. – Непредсказуемости бытия, себя самого, наконец. Научился быть несводимым к истинам, смыслам, целям – черпать себя из несводимости. Научился быть не-победителем, не-достигающим, непознавшим. Это не гарантирует ничего, да?! но во всем из всего этого возникает свет.

– Это не для всех, – улыбнулась, развела руками Мэгги. – Слишком не для всех. Ты и сам понимаешь. Кстати, это и не для тебя. Пусть ты и не видишь этого, может.

– Пускай, – говорит, горячится Глеб. – Главное, что это есть.

– А ведь три столетия освоения человеком дальнего космоса, пожалуй, что разочаровали, – сказала Мэгги. – Сама идея вынести неснимаемые наши противоречия, тупики и безысходность нашего бытия в иное пространство, в иные плоскости пространства – времени... Громадность Цели должна была заслонить от нас зыбкость, условность Смысла, невозможность Истины. Это не проговаривалось вслух, не формулировалось в разного рода философских манифестах, но по умолчанию это было так.

И на какое-то время нам удалось. Но вот, похоже, наступает пора, когда нам придется за всё это платить.

– То есть ты от всего этого убежала сюда, на станцию?

– А знаешь, почему всё это вряд ли закончится катастрофой? Потому что Истина, Смысл, Цель на самом-то деле оказались не столь уж значимыми для нас. Вот такая вот правда о нас – не слишком-то возвышающая, но кажется, спасительная.

– Ты считаешь, что наша поверхностность нас спасет?! – поразился Глеб.

– Поверхностность – это такая форма столь вожаденной для тебя несводимости нашей к... Кстати, скорее всего, что единственная.

– Санкция на непросветленность бытия, вот что это такое! – возмутился Глеб.

– Непросветленное всё-таки лучше, чем никакого, согласись.

– Время от времени человек восстает на непросветленность.

– За-ради ложного света?

– Но почему?!

– Потому что восстает по законам самой отрицаемой им реальности.

– Человек не равен самому себе! – говорит, кричит Глеб. – Не равен *из* несводимости к своей сущности-сути, к своему предельному, последнему, недостижимому. И причем здесь тогда поверхностность? Что она вообще может?

– Гарантировать устойчивость человеческой цивилизации, – ответила Мэгги. – А то, о чем ты сейчас, это всего лишь победа, – прекрасная человеческая минутная победа.

– Да ради бога.

– Да, Глеб, ты насколько останешься у нас?

– По обстоятельствам.

– Ах, вот оно как. Ну, тогда всё становится несколько интересней. А мы вот – она снова указала на домики в голландском стиле, к которым они уже подошли, – боремся с племенем альфа в себе черепичными крышами, цветниками, ирландским пабом в голландской деревне, празднованием Рождества и Хэллоуина. – Она замолчала, думала сказать или нет. – А у нас есть и те, кто предлагает другой рецепт: поиграть в племя альфа, прикинуться ими и тем самым преодолеть.

– Мэгги, можно спросить?

– Разумеется.

– Вот ты всё говоришь: альфа, альфа и ни разу не сказала: омега. Что, там вообще никаких соблазнов?

– Только для их создателя.

– Я так и думал! – воскликнул Глеб. – Кем же себя возомнил профессор Снайпс?

– Дело в том, что он убедил себя, что как раз и не возомнил, избежал соблазна. В этом главная опасность, исходящая от него.

– Ну а вы все?

– Ты же знаешь расстановку здешних сил. Профессор, Энди и Ульрика отвечают за концепцию, а мы, остальные – узкие специалисты с правом совещательного голоса, если спросят, и выступаем, в случае необходимости, экспертами по техническим вопросам. Ты же, перед тем как прилететь сюда, изучил все бумаги по нашей экспедиции, чего же спрашиваешь? А-а, понимаю-понимаю, расследование уже началось.

– Это не расследование, Мэгги. Да и что здесь расследовать – никто никого не убил и не вымер полным составом станции.

– Ну, а отклоненные от *цели* предприятия? – Мэгги заговорщически подмигнула. (Точнее, утрированно заговорщически.)

– Так всё-таки, *что* омега?

– Ну, какой тут соблазн. Глеб, подумай сам. Кто кроме бедной Ульрики купится на идею «золотого века». Профессор жизнь потратил на всё это, а в итоге получится некий аттракцион, в лучшем случае, забавный, занятный для космических туристов. Представляешь, Снайпс создавал человечество новое, указывал путь человечеству прежнему, а в результате полторы строчки в каталоге космического сервиса: «посетите, получите незабываемые впечатления...» Хорошо, что мы не доживем.

– Получается, вы все отдали пять лет своей жизни ради дела, которое...

– Вовсе нет, – остановила его Мэгги. – Каждый из нас провел здесь ряд уникальных исследований в своей области и уже ради этого...

– Ты хочешь сказать, здесь только один неудачник – профессор Снайпс? – Глеб хотел развить свою мысль, но вдруг увидел, как из-за угла голландского домика на них вышел громадный зверь с пятью рогами.

– А! – Глеб хлопал себя по бедру, там где должна быть кобура бластера, но ее сейчас не было, ввиду мирного характера его миссии.

– Что ты, что ты! – Мэгги схватила его за руку так, будто бластер у него был. – Это же наша коза.

Коза была намного больше земной коровы, два огромных винтообразных рога и два небольших прямых, растущих из середины лба. Пятый, широкий, тупой рог располагался на носу.

– Козочка моя, – засюсюкала Мэгги, – иди ко мне, я тебе витаминчиков дам.

В самом деле стала кормить ее с руки какими-то таблетками. К Мэгги подошел козленок размером с теленка, те же пять рогов, только маленькие, ткнулся в бедро Мэгги.

– Сейчас, сейчас, – умилилась Мэгги, стала кормить его витаминами с другой ладони.

Этот контраст: не просто зверская – мифологическая внешность громадной козы и совершенно добрые, доверчивые глаза.

– Это всё Ульрика наша удружила, – поясняла Мэгги.

– В смысле облучения, генетических экспериментов?

– В смысле милосердия. Не могла смотреть, как тиранокошка сожрет козленочка, и нажала на курок фотонного ружья. И вот козочка выросла, – Мэгги гладила белую полоску на морде животного от рогов на лбу до носового рога, чем доставляла козе невероятное удовольствие. – Мы и в лес ее выгоняли, но вернулась обратно, с приплодом, как видишь.

– Это же непрофессионально, – пожал плечами Глеб. – Мы не должны вмешиваться в естественный ход вещей.

Мэгги рассмеялась так, что козленок испугался.

– Ты это говоришь после того как посмотрел на альфу и омегу? Ладно, всё, хватит. – Это она уже козам. – Всё. Домой. – Мэгги хлопнула козу-мату по громадному боку и та послушно пошла, да, наверное, это можно было так назвать, но, в отличие от земных животных, её ноги гнулись в другую сторону. Козленок семенил рядом. И всё это на узенькой улочке голландской деревни века этак девятнадцатого. Приостановившись возле одного дома, коза с хитрым видом, явно понимая, что делает не дело, слопала герань из горшочков на окнах второго этажа.

– Между прочим, у нее вкусное молоко, – сказала Мэгги, – но от него возникают галлюцинации. Но вот мы и пришли.

Мэгги достала ключ, открыла дверь домика с номером 910, хотела пропустить Глеба внутрь, но вдруг засомневалась.

– Собственно, это гостевой коттедж и он поделен на две квартиры, видишь, на двери они обозначены: девятая и десятая. Это я к тому, что надо тебя познакомить с твоей соседкой.

Она подвела Глеба к окну. В комнате, спиной к ним, сидела девушка за компьютером в спортивном костюме, может быть, даже девочка.

Мэгги деликатно постучала в окно, девушка повернулась к ним, и Глебу сделалось нехорошо, – это лицо туземки.

Девочка обрадовалась им, подбежала к окну, растворила незапертую раму.

– Мари-я, – девочка тыкала себя пальцем в грудь. – Мари-я.

Протянула Глебу свою ладошку.

– Глеб, – пожал ее руку Глеб.

Ее ладонь была прохладной, жесткой, строением пальцев мало чем отличалась от человеческой. «Надо вообще-то говорить, мало чем отличалась от руки земного человека», – подумал Глеб. Тыльная сторона ее ладони была покрыта ворсом, но все-таки уже не шерстью. Всё остальное скрыто рукавом спортивного костюма. Кожа у девочки была белая.

– Он тоже, – девочка обращалась к Мэгги, – из-под Земли?

– Да, – улыбнулась Мэгги, – примерно.

Девочка рассмеялась, вблизи было ясно, что эти зубы и челюсти принадлежат не гомо сапиенсу.

– Мэгги, Глеб, – улыбалась девочка, – зайдите на чай.

– Спасибо, Мария, но Глеб так устал, ему надо выспаться.

– Хорошо, – сказала Мария. – Я пойду?

– Да, конечно, – кивнула Мэгги.

Мария вернулась к своему компьютеру.

– Это тоже по милости Ульрики, – сказала Мэгги, когда они зашли в квартиру, отведенную Глебу. – Опять скажешь, что она поступила непрофессионально?

– Отбила у племени альфа во время какой-нибудь резни. Я угадал?

– Это был геноцид их племени. Ульрика тогда опоздала. Мария была единственная, кого успела спасти. А у нас были такие виды на это племя.

– Почему обо всем этом профессор Снайпс не доложил в НАСА?

– Драй собирался разбить маленькую Марию о камни, – проигнорировала вопрос Мэгги, – и Ульрика нажала на кнопку парализатора. Ульрика считает, что это какая-то переходная ступень к человеку разумному, но мне теперь уже кажется, что это и есть гомо сапиенс. В общем, мы изучаем.

– Как у вас здесь хорошо, – оглядел комнату Глеб.

Они сели в уютные кресла возле камина.

– Это имитация? – Глеб кивнул на камин.

– Настоящий, – ответила Мэгги, взяла пульт, нажала кнопку, и в камине загорелись, начали потрескивать настоящие, с запекшейся смолой дрова. Сладкое тепло поползло по комнате. Глеб почувствовал, что сейчас заснет. Усилием воли не дал себе.

– Не надо бороться, – Мэгги накрыла его уютным и чуточку колючим пледом от груди до самых ног, до пола, – ты должен выспаться. У тебя завтра трудный день.

Она подала ему чай в чашке на блюдечке, как наверно и делалось в голландском коттедже девятнадцатого или какого там века.

– Это не земной, а здешний, – сказала она, – он не идет ни в какое сравнение, попробуй.

– Надеюсь, он хотя бы не вызывает галлюцинаций? – улыбнулся Глеб.

– Сейчас ты заснешь, но не от чая, – говорила она, – не от чая. Ты натерпелся за день. Тебе надо поспать. Лучше, если без снов, или с невнятными, тихими снами.

Глеб пригубил из чашки, вкус действительно был потрясающий, но он понимал, что ему не справиться с целой чашкой, поставил на столик, что рядом с креслом.

– Ты должен поспать, – говорит она. – Спать. Спать. Спать.

– Ладно. – Он уже не смог сказать вслух, а только мысленно. – Ладно. И чтобы без сновидений, тихо, кротко как в детстве.

– Независимо от причуд профессора Снайпса, независимо от его химер – всё, что мы делаем здесь, уникально, и прерывать экспедицию, закрывать станцию нельзя.

– Они не поверили заверениям НАСА, что у меня нет полномочий на остановку эксперимента и консервацию станции, – про себя улыбнулся Глеб.

– Нельзя. Нельзя. Нельзя.

– Черт возьми, люблю, когда меня гипнотизируют, – хотел было сказать Глеб, но не смог, заснул тем самым сном, о котором и говорила Мэгги.

4. Ульрика на связи

Вернулась к себе уже затемно, усталой и злой – то, над чем они втроем колдовали в лаборатории, не получилось. Вообще. Ложной оказалась сама посылка, а профессор всё не хотел признавать. Ну да ладно. Завтра на свежую голову. Ах да, завтра мистер Терлов начнет дознание, расследование, как у них на Земле это теперь называется? Значит, день, скорее всего, пропадет даром. И если б только один-единственный день. Что же, потерпим этого зануду, чистоплюя, куда ж деваться. Ради дела, да? А профессор зря решил окунуть его с головой в племя альфа. Завтра он будет брать реванш за то, что сегодня блевал на наших глазах.

Зануда-то он зануда, но кажется вполне искренним, даже чистым, наивным, быть может. С такими нельзя хитрить. Если поймает на хитрости (он же умный, да? И тщательно подготовился к своей инспекции), так вот, если поймает на неправде в какой-то частности, не поверит твоей правдивости в главном. Таких, как он, берут правдой и только правдой. Правда, не вмещаема его сознанием, приведет к недоумению, может, даже к параличу воли. В чем он, как честный человек, сознается перед ними и перед НАСА. Ну, а пока Земля будет вникать во всё это (а вникать придется не только в факты, но и в душевные муки своего эмиссара), они успеют сделать главное, то, ради чего и затеяли всё вообще.

Итак, она усмехнулась, задавим господина инспектора правдой. Надо только самим вспомнить, где у них начинается и где кончается правда.

Ульрика налила молоко в блюдце, поставила на пол перед своей трехголовой кошкой (еще один результат вмешательства Ульрики в естественный ход событий) по имени Нэсси. Нэсси с энтузиазмом принялась лакать в три языка.

Ульрика прошла в комнату, к столу, села в кресло. У нее сегодня сеанс связи с Вильямом. Бьет ли ее дрожь, как когда-то? Сегодня пустота и только. А пустота не может бить, она ничего не может – только вгоняет... в пустоту?! Эта тавтология, дурновкусие опустошенности. Это слова, что призваны придать пустоте хоть что-то в смысле качества, свойства, формы. Это бездарность слова.

– Алло! Алло! – шаркающий голос Вильяма.

– Привет, Вилли! – Ульрика пытается быть радостной. И вдруг чувствует, что она и в самом деле радуется, рада. Ей становится легче. Зажим внутри ослаб. Она будто удостоверилась в реальности, чего вот только? Чувства? Души? Самой себя?

– Как ты? – не спрашивает, а скорее говорит Вильям.

Она начинает рассказывать *как*. Знает, ему неинтересно, и, в общем-то, неинтересно ей. Но ради того, что не сводится к этому их отчуждению, не обусловлено им... но есть ли это? Было. Должно быть! Не может не...

– Извини, – говорит Вильям, – мне надо идти, у нас сегодня групповая терапия, а потом мы с Генри и Эльзой играем в лото.

– У нас? – переспросила Ульрика.

– У нас в доме престарелых, – он понял ее вопрос.

– Как давно ты там?

– Как давно? – Вильям добросовестно пытается ответить, ему кажется, что он там всегда.

– Сразу после смерти Марты. – Наконец сообразил, отсчитал он. – Здесь проще по быту и такая прекрасная библиотека. Только вот Эльза слишком уж мнит о себе.

В прошлый сеанс их связи Вилли с Мартой жили на каком-то острове в греческом архипелаге, Вилли каждый день ходил купаться в Эгейское море. Или же надо говорить «ходил плавать»?

– А помнишь, Ульрика, как мы с тобой убежали от всех от них в Альпы, в мотель, на все каникулы. – Он пересказывает ей ту их пору, счастливую, лучшую самую – они были юные, пьяные от любви, свободы, предвкушения грядущего... Сознавали жизнь, были жизнью, мечтами о простом человеческом счастье протяженностью в жизнь и, одновременно, о мирах дальнего космоса, что не укладываются в земные мерки пространства и времени... Он рассказывает подробно, он помнит, прекрасно помнит детали, но рассказывает только из такта – он понимает, чего ждет от него Ульрика, и не хочет ее огорчать. Он знает, ему положено говорить обо всем этом. Он не вправе ее разочаровывать и, быть может, в какой-то мере пытается доказать себе... Что не пережил еще душу, сердце, память?... Это рутинная работа по удержанию памяти, что же, доктор велел ему разгадывать кроссворды, следить за новостями. И он не должен расстраивать Ульрику.

– Мне, в самом деле, пора, – говорит он, – доктор Лорберг не любит, если кто-то опаздывает на его сеансы.

Они должны были вместе лететь на станцию профессора Снайпса, но в последний момент для Вилли не хватило места – просто антропологи и генные инженеры на этой планете оказались важнее зоопсихологов, что вполне естественно. Вилли полетит на следующем корабле через пару месяцев. Для них это было б разлукой на два с лишним года. Вилли еще пытался шутить тогда: «будет время проверить свои чувства и всё такое». Но «следующего» корабля уже не было. После отправки четвертой смены (в которую и попала Ульрика), Земля поняла, что переоценила значимость планеты номер сто двадцать пять три нуля шестьдесят восемь, а распылять ресурсы... Земля заглотила слишком большой кусок Космоса и вдруг обнаружила, что не может позволить себе отправку транспортов на планету между сменами. А смена – это пять лет жизни астронавта на станции, равных половине столетия на Земле. А тут еще была открыта планета Луби с подозрением на формы разумной негуманоидной жизни, и эксперимент профессора Снайпса окончательно оказался на периферии земных интересов. Тот, следующий за кораблем Ульрики корабль начали перепрофилировать для полета на Луби.

Они на разных планетах, в разных мирах, разделенные не просто пространством, но временем... Метались, мучили себя и друг друга в эфире, клялись друг другу, сами уже не слишком понимая, в чем... Сохранить, удержать любовь, вот так, без надежды, по радиосвязи. Сохранить? Удержать? Это она поняла потом. А тогда они любили. Любили, и всё. Сама безысходность любви обернулась тем, что она потом – сейчас – назвала чистотой любви.

Он отказался от места на Луби. Вообще ни разу не покидал Земли. Даже в качестве космического туриста. Он так ответил обстоятельствам.

Да-да, поверх обстоятельств, причин ли, следствий, воплощения, невоплощенности – вот чем была их любовь. Здесь начиналась *глубина*, будь она проклята.

И ведь не скажешь, что она жила только им, у нее работа, да что там, миссия.

Но она чуть с ума не сошла, когда он однажды не вышел на связь.

Этот их секс по радио. Сколько это всё продолжалось? Не важно. Главное, это было и принадлежит им.

Он взрослел, с какого-то момента (она не хотела признавать этого) старел. Вот в его жизни появилась Джесика, ненадолго. Конечно же, ненадолго. Мелькнула какая-то Берта. Потом пришла Марта. Ульрика поняла вдруг: Марта – это всерьез. Что же, у Вилли жизнь. Секс в эфире не мог быть параллельно жизни. Но любовь могла. Ульрика бесилась, ревновала. Но любовь, в конечном счете, оказалась не сильнее, нет – глубже ревности, злобы,

жизни, обстоятельств. Любовь приняла Вилли с его жизнью, с его Мартой, детьми, внуками, сменой работ и домов, с его надеждами, неудачами, разочарованиями.

Об одном лишь молила Ульрика – пусть Марта и всё, что к ней прилагается, – пусть всё это окажется лишь его *обстоятельствами*. А в том, что у них с Вилли так, кто виноват: обстоятельства, НАСА, планета Луби?

Как-то раз она пригласила к себе Энди. Это было настолько бессмысленно. Овеществление бессмыслицы. У бессмыслицы оказалось два молодых и достаточно изоощренных тела, положенный набор гениталий, сколько-то вздохов, судорог, секрети, эйякулята.

Они не встречались больше. И не потому, что было нечестно по отношению к его Мэгги. Энди и Мэгги вскоре расстались. Не из-за этого, слава богу (Мэгги ничего не узнала), по каким-то своим обстоятельствам.

Их сеансы связи стали редки. Не потому что Марта ревновала (он не говорил, но Ульрика чувствовала), просто жизнь брала своё... жизнь, время, что-то такое анонимное, что растворено во времени, жизни, во времени жизни, или же лишь прикрывается ими – будь они все прокляты.

Вот уже от сеанса к сеансу становится явственнее, что он стареет, слабеет, теряет сок жизни, сколько бы он ни бодрился. Что жизнь его прожита, и прожита как-то так по касательной к тому, что хоть как-то оправдывает жизнь и наши усилия в пространстве жизни. И вот он такой ослабший, не справившийся, сбивающийся с темпа, ритма, хода своего земного времени – как только ее сердце не разорвалось?

– Ну всё, пока, любимая, – он вязнул в этих словах, сознавал фальшь последнего слова, но считал, что должен его говорить. Понимал ли он, что она чувствует эту фальшь?

Он отключился. Она долго еще сидела так.

На планете под номером сто двадцать пять три нуля шестьдесят восемь, в глухом углу галактики Млечный Путь тридцатидвухлетняя Ульрика Дальман, приняв таблетку снотворного, легла спать на диване в гостиной своего крошечного коттеджа в голландском стиле. Ей завтра рано вставать.

На планете Земля в холле дома престарелых, что в пригороде Сакраменто восьмидесятидевятiletний Вилли Роджертс слушал бодрую лекцию доктора Лорберга об экзистенции старости.

5. Допрос профессора Снайпса

Глеб проснулся от стука в дверь, стук был довольно странный. Можно стучать в дверь к спящему человеку деликатно, можно бесцеремонно, но стучать, выбивая мелодию какого-то марша?

Он открыл, на пороге была его соседка по коттеджу. Глеб рефлекторно отпрянул, но тут же справился с собой.

– Утро, – сказала Мария.

– Доброе, – ответил Глеб.

– Мэгги сказала разбудить. – Она показала пальцем от своей груди к груди Глеба.

– Спасибо, – кивнул Глеб.

– Время. – Она поднесла к его глазам циферблат электронных часов.

Было восемь. Точно, он попросил Мэгги разбудить его в восемь.

– Это тоже время. – Показал ей свои наручные с часовой и минутной стрелкой.

– Нет, – улыбнулась Мария. – Вот время. – Поднесла свои часы к его глазам. – В ее объяснении была даже какая-то снисходительность к Глебу.

– Ладно, не напрягайся, – сказал Глеб. – Мы ведь на самом-то деле не слишком-то понимаем, что есть время.

– Времени нет, – сказала Мария.

– Кто тебе это сказал?

– Дядя.

– Кто?!

– Он здесь главный.

То есть профессор Снайпс для нее дядя.

– Как ты это понимаешь?

– Никак, – ответила Мария. – Мари-я, – и тут она выговорила – Мари-я, – не гомо сапиенс. (Всего две ошибки в слове.) Мари-я учится, но она так и останется собой... равна себе. – Эти чужие, заученные слова она проговорила с какой-то грустью или Глебу просто показалось так.

– Ну, это еще спорный вопрос, – ответил он. И тут же другим тоном: – Хорошо, спасибо. В общем, я встал, пойду умываться. – Он хотел уже закрыть дверь.

– Ты сильный? – спросила Мария.

– То есть? – не понял Глеб.

– Мэгги сказала, ты можешь бросить Снайпса обратно... в космос или на Землю, Мари-я не поняла.

Оказывается, она знает фамилию «дяди», отметил про себя Глеб. Спросил Марию:

– А Мэгги этого хочет?

– Наверное, нет. Мэгги не сильно любит Снайпса, но не хочет.

– А ты? Ты хотела бы, чтобы Снайпс улетел со станции?

– Нет, – задумалась Мария. – Мария средне любит Снайпса, но средне лучше, чем ничего?

Почему они, собственно, боятся этой его инспекции, несмотря на все заверения НАСА, что-де чуть ли не формальность, размышлял Глеб за завтраком. Завтрак был изумительным, после всех консервов и концентратов, поглощенных им за время перелета. Почему они не доверяют НАСА? Некие aberrации, объяснимые годами проживания на станции, или у них действительно нечиста совесть? И они боятся, что по ходу формальной проверки всплывет нечто, что придаст делу далеко неформальный оборот? Только что это он так налегает на

вопросительные знаки? То, что они ему показали вчера, – это уже и есть «неформальный оборот», неужели они сами этого не понимают? Даже не пытались скрыть от него. Могут и не понимать, если эти генномодификационные игры давно уже стали для них вполне невинными обыденными вещами. Настолько вжились в свой эксперимент? Это как в прозекторской, патологоанатом недоумевает, почему дама хлопнулась в обморок, когда он всего-то навсего покопался в желудке утопленницы. Зря он, конечно, дошел до таких ассоциаций, ему же сейчас еще и пудинг есть. Может, он всё-таки торопится насчет здешних опытов? НАСА в курсе и никто никогда не бил тревоги из-за упражнений профессора на местных племенах. Кстати, а почему? Что, если есть какая-то закрытая часть программы? Только что это он? Сейчас, в двадцать пятом веке, прошло время какой-либо секретности, закрытых, полузакрытых исследований. Давно уж прошло. Но почему же тогда никто не ударил в колокола? Да, были сомнения, недоумения, но была и апологетика эксперимента. Видимо, после его инспекции что-то должно измениться – Земля, наконец-то, определится по судьбе станции и эксперимента в целом.

Профессор Снайпс на пороге. Вот не было у него вчера этой серебристой профессорской бороды, превращающей его в некий штамп, в клише, в соответствии с коими и играют профессоров в голливудских фильмах. Вчера в кабине гравитолета, среди своих приборов и аппаратов он был космическим волком, первопроходцем новых миров, что там еще бывает на эту тему? А теперь нацепил бороду, превращающую его в чудаковатого профессора-энтузиаста. А если, на самом деле, он ни то, ни другое? И понимает прекрасно, что Глеб все это увидел и понял. Тогда зачем вообще?

– Прошу вас, профессор. – Глеб пригласил его в гостиную.

– Пожалуй, нам будет удобнее здесь. – Снайпс улыбнулся, толкнул дверь третьей комнаты. Глеб еще не успел осмотреть свое жилище, он и до спальни вчера не добрался, так и заснул в кресле.

Комната была оборудована как служебный кабинет. Официоз, недоброжелательство, исходящее от каждой вещи в интерьере, так, наверное, выглядело место для допросов в родном для профессора двадцать третьем веке.

Это была демонстрация, насмешка над процедурой проверки, Глеб не обиделся, да и не принял на свой счет, они насмеялись не над ним, а над процедурой. Он на их месте поступил бы примерно так же. Глеб сел за стол в кресло следователя, указал профессору на круглую вращающуюся табуретку перед столом. Снайпс с интересом занял место подследственного.

– Приступим. – Глеб входил в предложенный ему образ сухого, въедливого следователя.

(Почему бы и нет!)

– Ладно, Глеб, – сразу же перебил профессор. – Я рад, что ты решил подыграть нам и оценил эту нашу, – он показал на интерьер кабинета, – так сказать, – но вот не сумел всё же сказать «шутку». – Но не будем всё-таки её затягивать.

– Так мы же вроде ещё и не начинали? – Глеб отдал должное этому маневру Снайпса.

– Ты, конечно же, перелопатил всё, что есть на Земле об этой планете, – профессор проигнорировал реплику Глеба, – о нашей станции, да и о нас. Но всё равно послушай, пусть даже тебе будет казаться, что ты и так знаешь. Согласись, если бы в НАСА считали, что всё есть в бумагах, на пленках и записях, они бы тебя не прислали просто.

– Соглашусь.

– Так вот, планета была открыта за двадцать лет до того, как я очутился здесь и создал свою станцию. Экспедиция Тони Бергса. Сейчас это имя почти забыто, а жаль. Бергс обнаружил жизнь. Впервые! Вам, людям двадцать пятого века уже не представить, что это было тогда. Так же, наверное, как уже не представить всем нам, что в свое время значил для чело-

вечества первый виток человека в космосе вокруг своей планеты. Так вот, жизнь. И к тому же антропоморфная. Кто тогда смел мечтать об этом?! Антропоморфная жизнь, делающая свои первые шаги на пути к разумной жизни. Кажется, это так теперь называется в ваших учебниках, да? Экспедиция Бергса наспиговала планету всей наблюдательной и регистрирующей аппаратурой. Как ты знаешь, по ней Земля и наблюдала здешние сюжеты все двадцать лет, вплоть до появления моей станции. Как-то сама собой возникла наука: космическая антропология.

– Но вот уже два земных столетия Земля видит этот мир вашими глазами, профессор. – Глебу показалось, что он нашел нужный тон.

– Вот это, в конце концов, и показалось подозрительным, – кивнул Снайпс. – Кстати, они правы, в смысле, я бы на месте руководства НАСА тоже начал подозревать. Что касается автоматики Бергса, она была вне подозрений, потому что двадцать лет работала без вмешательства человека.

– Вы считаете, что вас подозревают в том, что Земля вашими глазами видит не то, что есть, а то, что видите вы? – Глеб зачем-то открыл приготовленный для него блокнот (нарочито сделанный как «блокнот следователя») и стал записывать. Смысла ни малейшего, аппаратура пишет для передачи в НАСА. И наверняка приборы профессора тоже пишут, снимают, сканируют и прочее.

– Может быть, еще и в том, что они видят лишь то, что я хочу, чтоб они видели, – улыбнулся профессор. – И опять-таки, они в своем праве подозревать.

– Я так понимаю, мистер Снайпс, – Глеб всё-таки продолжал писать в блокноте, – вы сейчас с легкостью развеете все эти недостойные подозрения? – Его раздражение росло, пусть он пока что не понимал его природы, но ясно было, что это не просто так, это уже серьезно.

– Благодаря наблюдательной аппаратуре Бергса мы в деталях видели, как его люди перебили друг друга. Но только приборы так и не смогли дать ответ «почему».

– Психоз, вызванный экстремальностью ситуации и сопутствующими перегрузками. – Глеб заставил себя закрыть свой блокнот. Сдвинул его подальше, к самому краю стола.

– Перегрузка от *контакта* с иной жизнью, с иным разумом. Так, наверное, будет точнее. – Профессор сделался жёсток. – Противоядие было найдено тут же. Во всех экспедициях такого рода должен быть психолог, психиатр, психотерапевт. Вот почему на станции неизбежно присутствие нашей очаровательной Мэгги, неподконтрольной мне в своей деятельности. – Профессор удержался от гримасы, но Глеб заметил.

– Что касается той бойни, – продолжил Снайпс. – Победивший в ней командир Берг пустил себе пулю. Но вернемся к моей скромной персоне. Двадцать лет ушло на подготовку экспедиции. Тогда, в двадцать третьем веке, все бредили этой планетой, и дух захватывало у всех. Я со своей концепцией станции выиграл конкурс из пятидесяти проектов. Представь, пятьдесят претендентов на это вот, – профессор поерзал на своем табурете так, будто речь шла об этом месте «подследственного», – какие исследовательские центры! Какие имена! Половина из них стала нобелевскими лауреатами впоследствии. А половина уже была таковыми. Кое-кому удалось войти в историю, ну или в учебник по истории науки. Тогда, в двадцать третьем веке, планету называли, кстати, ты должен помнить...

– Земля-дубль, Земля-штрих, – кивнул Глеб, – или же Земля второй попытки. Это ваше название, кажется.

– Это потом уже, когда пошло разочарование, появились дурацкие цифры, кое-кто в НАСА, светлая ему память, решил «снизить пафос».

– Почему вы все-таки настояли на том, чтобы через каждые пять лет менять персонал, в том числе и тех, кто имеет отношение к концепции?

– Потому что пять лет здесь равны, как ты знаешь, пятидесяти земным годам с лишним. То есть чтобы не остаться с безнадежно устаревшими технологиями (лишь с устаревшими несколько). А не для профилактики бойни, как ты сейчас решил. На волне тогдашнего оптимизма о бойне забыли, если точнее, о ней помнили безопасным, не смущающим душу способом: «казус Бергса», психоз, ну, ты знаешь.

– Почему именно ваш проект победил, профессор?

– Человечество веками мечтало о Контакте, ждало, искало Контакта. И в то же время был страх: вдруг окажешься перед лицом сверхцивилизации, станешь заложником его злой или же доброй воли. За тебя всё решат. Вместо пути, поиска, выбора будет то, что тебя, несмысленно, взяли за ручку и привели. К чему вот только?! К концу, финалу? Счастливому, вожделенному, искомому? Твоему собственному?! Или же он не был бы твоим никогда? Ты не дошел бы, не дополз, если бы добрый и мудрый дядя не довел, не перенес бы тебя через ямку или лужицу, не поставил бы тебя на постамент, до которого тебе не допрыгнуть, так, у подножия только, пытался б, карабкался, обдирая коленки и ногти. А дядя, он добрый и мудрый, он знает, куда ведет, а если ты по пути вдруг начнешь брыкаться, тянуть в сторону по неразумности, да? – он и дернет тебя за ручку, что зажата в его громадной и доброй ладони, и прикрикнет, подбодрит пинком. Он лучше тебя знает твою *цель* и *смысл* этой цели.

Глеб невольно улыбнулся, вспомнив, что для Марии профессор Снайпс – «дядя», сказал:

– То есть это боязнь потерять свободу воли не на личностном, а на цивилизационном уровне, на уровне человечества как вида? – Глеб понял, что надо как-то закруглить мысль профессора.

– И вот мы нашли в космосе почти что самих себя, только в самом начале. Это вроде как мы, только сто или двести тысяч лет назад. Мы вдруг сами оказались сверхцивилизацией! Представляешь, какой тогда в двадцать третьем веке был энтузиазм. Я понимаю, твое поколение выросло в ситуации разочарования во всем этом и твоя сегодняшняя миссия проверки, очевидно, не конец еще, но начало конца эксперимента.

– Я бы все-таки так не сказал.

– Но ты всё же попробуй понять, не понять, так хотя бы представить. – Профессор Снайпс весь горел.

– Тогдашний энтузиазм? – Глеб не ожидал, что у него получится резко.

– Я понимаю, – усмехнулся Снайпс, – ты говоришь со мной с высоты своего двадцать пятого века. У вас в университете наверняка устраивали суд над Сократом, так? А здесь благодаря временным парадоксам это стало вполне реально. Ты допрашиваешь меня, как я мог бы допрашивать какого-нибудь Эйнштейна.

– Так почему именно ваш проект? – перебил Глеб.

– Потому что я знал, как им помочь, ускорить их прогресс, спрямить путь, запустить в них то, что, в конечном счете, сделает их нами.

– Это, кажется, знали все, профессор.

– И при этом не стать тем добрым и мудрым дядей из наших ночных кошмаров. Вот этого не смог предложить ни один из моих конкурентов.

Профессор вскочил, начал ходить вокруг своего табурета, высокий, сутулый, нервный, жестикулирующий:

– Мы нашли здесь самих себя. И в самом деле получили то, о чем даже и не могли мечтать – *вторую попытку*. Исправить, переделать то, что не устраивает, пугает, отвращает человека в самом себе, в своем бытии и в своей истории. Обратить необратимое, сделать небывшим то, что было и вызывает ужас или же стыд?

Эта смесь из жажды невозможного, запредельного для смертного существа и жалости к самим себе – вот тут мы и попались.

«Не дай профессору заговорить себя» – эти вчерашние слова Мэгги прозвучали в голове у Глеба. Но она же не говорила их. Это она, наверное, когда он был под гипнозом. «Не дай профессору заговорить себя».

– Я так понимаю, у вас не получилось не стать тем самым «дядей»? – улыбнулся Глеб. Или же, дядя оказался не таким уж и мудрым и уж точно не слишком добрым.

– Не забегал бы ты вперед, молодой человек, – поморщился Снайпс.

– Если вы не возражаете, профессор, давайте-ка попробуем перейти к конкретике.

Снайпс сел на свой табурет, налил себе воды из графина. И графин и стакан – толстого стекла, граненые, это уже, кажется, из кабинета следователя века этак двадцатого. И не лень им было возиться с такой реконструкцией.

– Их гены оказались, – профессор понял, что не хочет пить, поставил стакан на край стола, – как бы тебе объяснить, пластичнее, нежели наши, благодатнее для вмешательства. Это, между прочим, тоже соблазн, вот почему на меня всегда работали и те, кто не разделяет мои идеи и не слишком сочувствует целям.

– Это все об Ульрике?

– И еще одно обстоятельство, – профессор пропустил мимо ушей вопрос. – Их эволюция протекает быстрее нашей. То, что в становлении человека на Земле заняло миллион лет, здесь произошло за сто тысяч. Ты понимаешь, что это значит?

– Серьезная эволюционная фора, – кивнул Глеб.

– Может быть, даже слишком серьезная. А в сочетании с их агрессивностью... В чем всё-таки права Ульрика (пусть мы ее и поддразниваем), они действительно оказались агрессивнее нас.

– Вы уверены? – пожал плечами Глеб. – Как это можно измерить? Но, судя по вашей убежденности, вам удалось. Не ознакомите ли с результатами мониторинга по земному палеолиту?

– Они оказались не просто агрессивнее, но и ниже, подлее нас.

– Вот как? – Глеб начал подозревать, не розыгрыш ли всё это, подобно кабинету следователя, граненому графину со стаканом.

– Они убивают много, вполне хладнокровно и очень часто без какой-либо конкретной выгоды, – продолжил профессор. – То, что вы видели вчера, это еще был праздник логики и целесообразности.

– Убивают ради удовольствия?

– Проще было бы, если так, – сказал Снайпс, – но мы пришли к выводу, что и удовольствия очень часто нет. Просто не могут не убивать. И вот тут нам стало страшно.

– Да. Я читал все ваши отчеты. – Глеб сказал, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– И возникла мысль, поначалу праздная, – а не имеем ли мы дело с нашими будущими конкурентами в галактике. Они сильны, агрессивны и (я понимаю, тебе не понравится слово) низки. К тому же, на порядок быстрее эволюционируют. Не получим ли мы, этак через пятьдесят тысяч лет у себя под боком мощную, динамичную, безжалостную техногенную цивилизацию с какой-то ужасной моралью. Были даже слушания в Конгрессе на эту тему. Тогда, в двадцать третьем веке, у политиков вошло в моду оперировать тысячелетиями, десятками, сотнями тысяч лет. Это поднимало их в собственных глазах. Они начинали чувствовать себя чем-то большим, нежели политиками. Кстати, добавь сюда вот еще что: а какими мы сами будем через пятьдесят тысяч лет? Что, если наше время начнет замедляться? Вдруг мы дойдем до предела, остановимся? А потомки племени альфа, повторю еще раз, динамичны и безжалостны.

– Но, насколько я знаю, Конгресс так и не принял решения...

– Это точно, – рассмеялся профессор. – Зачем что-либо решать, когда есть профессор Снайпс. Он сделает свое дело, а уж окажется оно великим или же грязным – Земля в любом

случае, будет права. Отдаст должное человеческому дерзновенному разуму или же осудит это самый разум за неразборчивость в средствах. Да вот только плевал я и на все их решения и на отсутствие решений. Меня не устраивало повторение нашей земной истории в еще более худшем варианте!

– Но вы же ученый! – вскричал Глеб. – Вы не можете не понимать такой простой вещи, что сейчас никто не может сказать «лучше» ли, «хуже», повторение или же нечто новое. Ничего же еще нет. Ничего не предопределено! Может быть, их жестокость и низость, придет время, породят колоссальное напряжение и глубину противостоящего духа? Согласен, это также недоказуемо, как и то, что вы утверждаете насчет далекого будущего этих людей. Но почему же вы выбрали только эту свою бездоказательность? Почему не рассматриваете иные варианты? Впрочем, их уже нет, – Глебу не хватало дыхания. – Потому что вы *вмешались*. – Он сбился, профессор терпеливо ждал.

– Вот представьте себе, – снова начал Глеб, – вы высадились на Земле триста тысяч лет назад. Какие сюжеты вы видите? Канныбализм (Энди сказал, что здесь его нет), промискуитет. И как-то за этим за всем не угадывается будущий Моцарт или же Кант. Да и профессор Снайпс с его идеями тоже не угадывается. И вы что, сочли бы себя, посчитали себя вправе взять в руки генномодифицирующий нож?!

– Не хочу огорчать вас, но взял бы, – сказал профессор. – Чтобы обуздать хоть сколько-то в нашей природе, что преодолевали в ней культура, религия, дух, да так и не преодолели толком, чтобы надежно, до необратимости. К тому же культура, религия, дух то и дело соблазнялись сами. Так что, получается, взял бы, – повторил профессор, – ради всё тех же Моцарта и Канта.

– А что если после вашего вмешательства их не было бы вообще?

– Но и крови, грязи человеческой истории тоже не было бы... А без крови и грязи, как знать, может, было бы десять Моцартов. – Поморщившись от этой неудачной своей стилистики, сказал:

– Было бы больше тех, кому действительно нужен Моцарт. Или, может быть, скажешь, кровь и грязь необходимы добру и свету для контраста?! Нет, ты давай, не стесняйся. Откровения духа не возникнут никак иначе как в противовес человеческой низости, мерзости, да?

– И вы считаете себя вправе? – задыхался Глеб.

– Не считаю, но взялся бы. Ульрика же «взялась» лишь потому, что убедила себя – племя альфа качественно хуже наших с тобой земных предков. Моя же готовность «взяться» даже если они и не хуже, а равны нам, позволяет Ульрике сознавать свое моральное превосходств надо мной. С моей стороны было б жестоко лишать девочку такой радости, я же не человек племени альфа, в конце-то концов. Кстати, о племени: блокирование того, что условно называется «геном агрессии», приводило к распаду. И это при всей пластичности, «сговорчивости» их хромосом. Другими словами, агрессия есть их сущность. Без агрессии их просто нет.

– Вы так спокойно говорите об экспериментах на людях?! Пусть не земные, не нашего вида, но это же люди! Вы воспользовались пробелом в законодательстве.

– Я сам многократно пытался его устранить, но в комиссиях ООН мои проекты как-то завязли.

– А если бы вы попробовали заблокировать «ген агрессии» у нас – скорее всего, получился б всё тот же распад. И что, объявите насилие сущностью земного человека? И не возьметесь за скальпель генного инженера потому лишь только, что здесь уже сие запрещено законодательно?

– Ну как говорить с дилетантом? На земных млекопитающих блокировка этого столь взволновавшего тебя гена вполне удалась... Здесь же нет.

– Млекопитающим положено оставаться равными себе самим, им не изобретать ни колеса, ни термоядерного реактора, не писать ни картин, ни сонетов.

– Я решил сделать племя альфа тупиковой ветвью, не причиняя при этом им вреда, – отчеканил профессор Снайпс.

– Ну да, мы же с вами живем в эру «ответственного гуманизма». Этот термин, если мне не изменяет память, тоже придумали вы лет этак сто пятьдесят назад.

– Наши предки убивали, делали много неприятных для нашего эстетического чувства вещей, но они рисовали оленей на скалах. А эти нет. Вот в чем разница.

– И вы возомнили, – Глеб чувствовал, что сейчас не выдержит, – взяли себе право останавливать эволюцию, блокировать будущие качественные скачки, отменить будущее, стагнировать их в этом во всем, остановить их время.

Глеб схватил этот дурацкий графин, начал пить из горлышка, какой мерзкий, казенный вкус этой воды, а такая и должна быть у следователя, сама форма графина делает ее такой.

– Я не о юридической стороне сейчас, – сказал Глеб, – пусть с этим разбираются в НАСА, Конгрессе, ООН, еще где-то. Но вы же решили...

– Стать Богом для этого мира, ты хотел сказать? – не дослушал Снайпс. – Это было бы слишком простым ответом, слишком комфортным для тебя. Поставил бы меня в тот ряд одержимых идей, на чём бы и успокоился.

– А вы претендуете на что-то большее? – съязвил Глеб.

– Не претендую, – ответил Снайпс, – я уже.

– То есть?

– Я про племя омега. Этот тупиковый вариант развития местного человечества я с моими коллегами сделал основным.

– Ну да, я понял! Порезвились на их ДНК. Убрали и без того не слишком выраженную агрессию (с этими удалось, не так ли?). Нейтрализовали их конкурентов, которые, не будь благодного вмешательства господина профессора, не оставили бы им ни единого шанса. Стимулировали альтруизм, еще много разного всякого, что в будущем обернется кучей немыслимых человеческих добродетелей. И совесть чиста – вы не насиловали природу этих людей, а лишь несколько помогли ей. Я только не понял, почему они у вас не полные вегетарианцы? Уж если делать, так делать, доводить до конца.

– Мы сначала так и задумали, но белок нужен для мозга. Поэтому милый Энди и придумал сухопутные устрицы. Добыча мяса ничем теперь не отличается от сбора грибов. А теперь, сынок, давай-ка на минуту забудем, кто здесь проверяющий, кто проверяемый, забудем обо всех моих заслугах перед наукой или же человечеством, просто ответь, только честно, не мне даже, себе самому – ты бы хотел для себя, для рода человеческого такой предыстории?

После тяжелой паузы Глеб разлепил губы:

– Может быть, и хотел бы, но...

– Стоп! – замахал руками профессор. – «Но», все бесчисленные «но» это уже потом, это уже вдогонку. Каждое «но» может быть правильным, правым, но это уже детали.

– Дьявол сидит в деталях, – устало сказал Глеб.

– Вот и давай поговорим о дьяволе. – Обрадовался профессор. – Я понимаю, что смущает тебя, книжный мальчик двадцать пятого века. Я, дескать, создаю мир гарантированного добра, без выбора, вне свободы. Противопоставляю Добро Свободе.

– Примерно так, – еле выдавил из себя Глеб.

– Вся человеческая наша сложность, все вершины и откровения нашего духа из разорванности, расколотости нашего Мироздания. Добро и Зло, Бытие и Ничто и так далее и так далее – всё это есть наши проекции этой расколотости на порядок вещей, на самих себя. Я же пытаюсь создать полноту и целостность Бытия, понимаешь? Не слащавая пастораль

«золотого века», не невинность и простота его обитателей, не идеальная статика рая, но глубина и свобода *из* полноты и целостности. Я не переделываю мир, наш земной человеческий мир на подвернувшемся мне благодатном антропоморфном материале, как это поняли догматики из НАСА, – я создаю иной мир. Не тот, где Добро побеждает Зло, а где не будет Зла. Не гармония синкретизма противопоставлена здесь земной человеческой сложности, а сложность полноты и целостности. И они не итог здесь, не финал, а начало. Не глубина диалектики Добра и Зла, но свобода глубины Добра, что над диалектикой. А ускорение или же торможение чужого прогресса здесь для меня лишь частная, служебная задача.

– И вы уверены, что молекулы ДНК поддадутся вашим заклинаниям?

– Я понимаю твой скепсис, Глеб. Результат не гарантирован и будет ясен через тысячелетия.

– Вы сейчас уже наплодили химер. Остановили развитие здешнего человечества, пусть оно хоть трижды хуже и кровожаднее, нежели наше, но предстоящий ему путь более-менее понятен! И всё за-ради... Я понял вас, захотелось поэтичной, философствующей, созерцательной цивилизации. Мне её хочется не меньше вашего. Но разве вы можете мне обещать, что пройдут тысячелетия и в лесах этой планетки не будут сидеть убогие, покрытые струпами и вшами потомки племени омега, испытывающие некие лирические переживания по поводу барабнящего по листьям их крыши тропического дождя.

– Вполне вероятно, – ответил профессор. – Но в той же, я подчеркиваю, в той же мере вероятно и то, что потомки племени альфа, отправившись по нашему пути, не до какой цивилизации не дойдут, просто будет злое племя, с какими-нибудь изуверскими ритуалами. Такие есть на земле, как ты знаешь. А теперь представь, если бы на Земле были только они.

– Если вы насчет людей альфа – такой вероятности нет. Вообще, одна только предопределенность. После вашего вмешательства, профессор.

– Ради непредсказуемости людей омега, что я могу сказать? Ты же сам пропел гимн непредсказуемости, Глеб. Так почему у тебя не хватило мужества на него, как только затронуто то, к чему ты привык, и во что ты веришь?! А веришь ты в племя альфа, даже если и не можешь признаться себе. Потому как они дублируют нас.

– Я сказал, что хотел бы такой предыстории, которую вы пытаетесь лепить из этой вашей омеги, – сказал Глеб. – Но не вместо истории.

– Ты так и не понял, – вздохнул Снайпс.

– Это ваше желание создать мир, метафизика которого сумеет то, чего ей так мучительно, так беспощадно не удалось в человеческом нашем бытии... Но вы же не текст создаете, а пытаетесь лепить из нуклеинового праха! Да, я не дорос до собственных проповедей непредсказуемости, свободы и безосновности, вы хорошо поймали меня. Но в вашем праве махать генномодифицирующим скальпелем я сомневаюсь. То, что вы сделали с альфой, не искупить грядущим миром омеги, каким бы он ни был.

– Я знаю, – кивнул профессор. – И сделал это в полноте знания.

– Как вы сказали: смесь из жажды добра и света, демиургического ража и всегдашней нашей человеческой жалости к самим себе? Вы стали ее заложником, попали в такую ловушку.

– Да, попал.

– И что? Пришлось стать Богом?

– Поначалу, да.

– А потом? Стойте. Я понял! Не Творец, не Господь, но измучившийся, уставший, отчаявшийся человек творит *мир омеги* от безысходности.

Профессор Снайпс промолчал.

– Только с чего вдруг безысходность? – продолжал Глеб. – Вы же человек эпохи, когда человечество достигло немыслимых высот и не только в технологиях, но и в смысле гуманности, счастья, добра. Преодолело собственную историю, искупило ее.

– Ладно, Глеб, – сказал профессор, – наверное, на сегодня хватит.

Он встал, подал руку. В его улыбке, в рукопожатии кроме усталости, снисходительности к Глебу, на этот раз не показной, не театральной, была жалость, опять же не показная – профессор думал, что Глеб не заметил.

Какое счастье стоять под душем. Если б еще можно было и не думать.

Бар был почти что пуст, только пара бутылок «мартини» и коньяк. Он вынул, поставил на стол бутылку коньяка 2231 года. Кто бы мог подумать. Двести пятьдесят лет с лишним. Только в бутылке, насколько он читал, ни коньяк, ни вино уже не доходят (это так называется, кажется). Первая рюмка показалась благодатной.

– Леб. – У раскрытого окна его гостиной стояла Мария. – Как дела?

– Всё в порядке, – усмехнулся Глеб.

– Я, – Глеб обратил внимание, она называла себя не в третьем лице как утром, а в первом. – Я с работы.

– Что?

– Из лаборатории.

– Зайди ко мне.

– Зачем?

– Будем есть пудинг.

Глеб вспомнил про тот утренний, что так и не пошел за завтраком.

– Кем ты работаешь? – Глеб поставил перед ней огромный кусок пудинга и налил ей чаю.

– Подопытным кроликом.

Глеб не сразу сообразил, что она шутит. И почему тогда на станции сомневаются насчет того, что она гомо сапиенс?

– Меня исследуют. – Мария наслаждалась пудингом. – Берут анализы.

– А опыты с тобой проводят? – вкрадчиво спросил Глеб.

– Это было бы негуманно.

Глеб не понял, она говорит, что думает или ее подучили отвечать так. От создателей мира безраздельного Добра можно было ожидать всего.

– Тебе нравится пудинг? – Глеб решил сменить тему.

– Да. Это лучше, чем падаль.

Глеб поперхнулся своим куском.

– Чему тебя учат здесь? – спросил Глеб.

– Всему. Ульри (надо понимать, что это Ульрика) и Мэгги разработали для меня программу (в последнем слове только одна ошибка).

– Ты кушай, кушай.

Глеб положил ей еще кусок. Мария встала, налила в чашку Глеба чай, с чувством выполненного долга села на свое место.

Вот она перед ним, за столом, в курточке с эмблемой международных сил астронавтики, ее уже научили пользоваться компьютером и ложкой. Останься она в лесу, была бы дважды или же трижды матерью, собирала бы корешки, разделявала шкуры – ее жизнь была бы полностью предопределена и, к тому же, уже перешла свой экватор. И она бы знала о жизни всё. А здесь она юная девушка, не сделавшая еще и шага, не знающая ничего – и в ее жизни ничего-то еще не ясно.

Ее родители выковыривали личинки из-под коры, а у нее на кухне печь, надо только назвать блюдо перед дисплеем, и печь приготовит. Как ей удастся держать все это в голове и не свихнуться?

Мария поняла, что делает что-то не то лишь по округлившимся глазам Глеба, но она не сообразила, что именно она сделала. А было вот что: увлекшись пудингом, она зубами, без малейшего усилия перекусила ложечку. Глеб бросился к ней, боясь, что она проглотит металл.

– Значит, я не стану человеком? – на глазах у Марии навернулись слезы.

– Умение есть пудинг это всё же не всё, что требуется для того, чтобы быть им. – Успокоил ее, обнял за плечи Глеб. Мускулы ее плеч были мощные, сухие. Такой плотности мышц не могло быть у человека, скорее, на лапах у ездовой собаки.

6. Экскурсия

Бескрайние леса, потрясающей красоты озера, маленькие моря, грандиозные горы. Глеб успел уже повидать немало разных миров. Были куда фантастичнее, гораздо богаче, несоизмеримо интереснее для исследования, но... Он не знал, откуда это чувство, даже испугался его – здесь своё. Своё?! Пусть не полная копия Земли, даже лучше, что не копия, но своё. Бред. Наваждение. Бред.

– Всё, уже отпустило, – сказал он угадавшей это его состояние Мэгги.

– Здесь, на станции каждый из нас сам борется с этим, – говорит Мэгги.

– Я родился в космосе, на орбитальной станции, если точнее. Землю впервые увидел, когда мне было одиннадцать. Конечно, с самого детства фильмы, слайды о Земле, обучающие программы, голограммы, книги. Земля это родина.

– Но? – в вопросе Мэгги было напряжение.

– Мы глушили в себе все эти «но». Нас так воспитывали, да мы и сами хотели. А космос, перелет для меня не есть вычитание из времени жизни, как у вас. Это тоже жизнь. В этом мое преимущество перед вами, родившимися на Земле, – улыбается Глеб.

Что ему эта «Земля второй попытки»? Он сейчас не мог понять *что*.

Мэгги вела прогулочный кораблик. Когда Глеб хотел общий план, она поднимала его в облака, когда он хотел над облаками, поднимала над. Или вот как сейчас, пускала над самой водной гладью.

Он обнял ее. Получилось трепетно. Получилось правдиво. Получилось счастливо и человечно.

Всю остальную дорогу они и стояли так, у пульта управления, молодые, сильные, одного роста.

7. Допрос Ульрики Дальман

Ульрика, как вошла, сразу же направилась к кабинету.

– Нет, – сказал Глеб. – Я его запер. В общем, считай, что заколотил досками.

Усадил ее в кресло возле камина. Сам сел в такое же кресло напротив.

– Я все время пытаюсь внести ясность, но впечатление такое, что у вас на станции ясности как раз и не хотят. Итак, скажу еще раз: у меня нет практически никаких полномочий.

– Понимаю прекрасно, не тебе закрывать наш эксперимент, – сказала Ульрика. – Если ты об этом.

– Я понял, что вас объединяет с профессором Снайпсом. Но мне не совсем ясны ваши разногласия.

– Я всё-таки начну с того, что объединяет, – попыталась улыбнуться Ульрика. – Я всегда была первая и в детском саду и в школе, победила в борьбе за грант (я и не сомневалась, что выиграю), и вот я многообещающий студент-генетик плюс звезда университетской волейбольной команды, плюс волонтер христианского фонда. Жизнь, казалось, так и пойдет по накатанной, и я всегда буду первой и правильной. И вот в библиотеке нашла книгу, не 3D, не говорящую, а бумажную, может быть, ты видел такие? Сначала усмехнулась, даже не над книгой, над своим внезапным комом в горле, сказала «о страданиях человеческих». А потом... мне показалось такой ерундой и всё моё лидерство и вся моя правильность.

Что это за книга? – перебил ее Глеб.

– Не скажу. Пусть это будет *книгой*, и только. А вот насчет страданий... Вдруг мысль: если бы мы произошли от какой-то другой ветви гоминид, от добрых и мягких, условно говоря, от орангутанов. И вот эта детская, в общем-то, мысль и определила мою судьбу.

– Я понял тебя. – Глеб сам удивился, зачем вдруг влез с этой пустой фразой.

– Об одном лишь жалела, что со Снайпсом я не совпала во времени... Мне надо было быть в той, первой сцене, когда он только лишь запустил эксперимент и создавал свою станцию. Тогда бы я была соратницей, почти с ним на равных. А в этой своей четвертой смене пришлось лишь только встроиться в созданную им систему. В собственном поиске исходить из того, что уже было необратимым в его эксперименте. – И вдруг ее прорвало:

– Он не должен был так поступить с альфами! Погасить в них искру, потому что от искры пахло серой?!

– Он считает, что погасил искру потому, что ее не было.

– Обречь на вечный палеолит! Принести людей (а ведь это люди. Люди именно!) со всеми миллионами и миллионами их потомков, которые уже не родятся никогда, в жертву идее!

– Но ты же сама, насколько я понял, считаешь его идею истинной и служишь ей со всей страстью.

– Это неважно! Совсем неважно!

– И ты так уверена, что он уже погасил, обрек, и все это необратимо?

– Сразу чувствуется, что ты не профессионал. Ты и не обязан разбираться в этом, не переживай, то есть я хотела сказать, извини. Необратимо или нет, мы узнаем лет этак через тысячу. Но он делает всё, чтобы было именно необратимо.

– И ты втайне от Снайпса принимаешь свои меры, чтобы в племени альфа искра не погасла совсем?

Лицо Ульрики залила краска.

– И как, запах серы не смущает? – продолжал Глеб.

– От искры или же от моей тайной деятельности? – бравировала Ульрика.

– Значит, будущее здешнего человечества всё-таки непредсказуемо. Боюсь только, что теперь это будет дурная непредсказуемость.

– Пытаюсь поддержать искру, а множу те сюжеты, которые показал тебе Снайпс в первый твой день, – сказала Ульрика. – Но это ничего еще не значит, понимаешь?! А с омегой нам удалось. Сами не ожидали.

– Послушай, а как получилось, что эти альфы не перебили всех ваших драгоценных омег как племя Марии? Они же по сравнению с субтильными омегами выглядят перегруженными мышцами монстрами.

– Энди разделил их силовым полем.

– Ах вот оно как! То есть теперь два параллельных мира. Свет и Тьма никогда не пересекутся. Добро и Зло будут наблюдать друг за другом, как за рыбками в аквариуме. «Если б у нас была такая предыстория», да? Кстати, а почему ваш Снайпс просто-напросто не перебил племя альфа, или хотя бы не ограничил рождаемость, чтобы за несколько поколений взяли и потихоньку вымерли?

– Он не может поступить негуманно.

– Да?!

– А я, получается, своими подпольными действиями пытаюсь спасти бессмертную душу профессора Снайпса. – Улыбнулась, точнее, попробовала улыбнуться Ульрика.

– Вряд ли бы он оценил, – сказал Глеб. – Я не стану выдавать тебя профессору.

– Я в этом и не сомневалась.

– И не по каким-то моральным соображениям. Просто любое изменение в вашем эксперименте приведет к ухудшению того, что есть.

– А остановка эксперимента обернется, – Ульрика задумалась, – трагедией? Абсурдом? Вообще непонятно чем.

– Но никто на Земле и не собирается.

– Я знаю, – остановила его Ульрика, – но вот сейчас наша четвертая смена закончится, вернется на Землю, а пятой просто не будет, вот и всё. А нам остался только шаг.

– До чего? – уцепился Глеб.

Ульрика демонстративно проигнорировала вопрос, сказала только:

– Но, судя по всему, мы успеем.

«Пятой смены не будет». Глеб вдруг понял, что на Земле именно так и определились. А его инспекция? Для очистки совести, из приличия, чтобы была хоть какая-то видимость объективности. Организуй Снайпс что-нибудь подобное в поселениях ближнего, среднего космоса, его объявили бы преступником, а здесь, в другом мире, сочли чудачком, бредящим насчет Добра и Счастья... Чудачком, у которого кое-что получилось, но пятой смены не будет. На всякий случай? Если эксперимент Снайпса будет удачным, отмежевавшееся от него человечество всё равно умножит своё достоинство, свою славу, что там еще будет значимым для него через тысячу лет? Плюс обычные рассуждения о догматизме и косности современников гения. Если же кончится плохо – человечество в свое время подстраховалось посредством ограниченного, но честного Глеба Терлова. Но вот сейчас, разобравшись, разве он скажет эксперименту «да»? Придется остаться ограниченным, но честным.

– Через месяц за нашей сменой придет корабль, и все уедут, – сказала Ульрика.

– А профессор Снайпс останется, – вдруг понял Глеб.

– Так будет лучше для всех, не правда ли? И для профессора, и для Земли.

– Во всяком случае, для НАСА. Не надо ломать голову, что с ним делать.

– Он даже не будет нуждаться в транспортах с Земли. – Ульрика кивала каким-то своим мыслям. – На двадцать лет жизни, что примерно ему осталось, здесь хватит всего.

– Почему же двадцать? Он такой еще крепкий.

– Я тоже останусь, Глеб.

- Ты останешься с профессором?
- Я останусь *здесь*. – Жесткий голос Ульрики. – Пусть этот пейзаж так и не стал для меня родным.
- Дело, миссия, да?
- Нам остался последний шаг, как я говорила. Мы вроде как успеваем до прихода корабля с Земли. На этом, собственно, и кончается «миссия». Все, что после, будет лишь только обычная исследовательская текучка, научная рутина.
- Тебе дороги эти омеги и альфы?
- В какой-то мере, – задумалась Ульрика. – Но нельзя длить то, что уже закончено и, – она улыбнулась, – жаль только, что не увидишь конечного результата. К тому же, так много своего хотелось забыть здесь, вычеркнуть, сделать небывшим, слишком много, быть может.
- Так почему же ты всё-таки остаешься?
- Я отвечу потом, когда найдется более-менее эффектная формулировка, ладно?
- Когда она была уже у двери, Глеб спросил:
- Откуда у вас с профессором такая боязнь собственной природы, такая истовая страсть не допустить пусть даже намек на повторение нашего земного пути?
- Страсть, сделавшая нас преступниками и богами? – усмехнулась Ульрика. – Преступными богами. Видишь, сколько еще можно придумать хлестких слов.
- Неужели из той твоей *книги*? – продолжал своё Глеб.
- Несмотря на нашу вроде бы как победу над собственной историей, – Ульрика сбилась с тона. – Меня страшит зыбкость той плёночки, грани, что отделяет нас от самих себя. Снайпс, он занят метафизикой. Создает мир, где торжество метафизики... Где метафизика будет права. Моя же задача скромнее – я хочу, чтоб был мир, где люди не будут страдать.
- Глеб подошел к ней вплотную, взял за руки, за запястья:
- И ты веришь, что гениальная инженерия и иже с ней помогут в этом хоть сколько-то?!
- Не верю, – смотрела ему в глаза Ульрика. – Теперь не верю. – Заставила себя сказать. – Но у меня уже нет выбора.
- Вы с твоим гениальным шефом стали заложниками собственного могущества, собственных успехов, колоссальной своей удачи.
- Наверное, – она освободила свои руки и вдруг с чувством обняла его. – Наконец-то я смогла выговориться, проговорить себе самой. – Ульрика отошла от Глеба.
- Что такое этот ваш «последний шаг»?
- Здесь, в общем-то нет секрета, – ответила она уже в дверях, – просто ты сейчас не готов, придет время, и мы всё тебе покажем. Уже скоро.
- Оставшись один, Глеб прокричал стенам:
- Никто не имеет право лезть в душу скальпелем.
- Мы полезли *до*, – Ульрика сказала с улицы, в открытое окно его комнаты, – как раз для того, чтобы создать эту самую душу. Мы думали так.
- Вечером к нему зашла Мария.
- Может, хочешь торта? – спросил Глеб. – Я скажу, печь сейчас испечет.
- Не надо, – сказала Мария и поразилась сама. – Я привыкла быть сытой? Не знала, что это бывает.
- Хочешь, я, – Глеб засмутился, не знал, правильно ли делает, не выйдет ли глупо или же даже стыдно, – я почитаю тебе?
- Он не знал, что выбрать, с чего начать, он будет читать ей по памяти.

8. Допрос Энди Клиффорда

– Профессор поскромничал – говорит Энди, уютно устроившись в кресле, нога на ногу, в руке бокал с коньяком (это тоже была демонстрация: не хочешь официоза, так вот тебе гиперраскованность), – точнее, шеф просто не опустился до оправданий. Он десять лет пытался улучшить природу наших замечательных альфов.

– Вот как? Почему же Ульрика обвиняя его за всё, ни полслова не сказала об этом?

– Забыла, – пожал плечами Энди. – Таких как она, интересуется только результат. Причем не некоторый, а окончательный. Это я к тому, Глеб, что «некоторый» всё-таки был. То, что ты видел – те милые сцены, да? – это уже благодаря многолетним усилиям нашего Снайпса. В смысле, раньше (в предыдущем поколении) всё было несколько мерзостней. Поверь на слово. А можешь и не на слово. Я пришлю тебе распечатки с аппаратуры Бергса.

– Над чем ты сейчас работаешь?

– Да так, ничего серьезного. – Энди сделал глоток из своего бокала. – Налаживаю систему камер, что будет фиксировать всё, что произойдет на этой планете в течение ближайшей тысячи лет. Так что результаты нашего труда будут запечатлены. В этом сомнения нет. – Он сделал еще глоток. – Сомнения только в наличии зрителя.

– Если ты о земном зрителе, – улыбнулся Глеб, – сейчас время потери интереса к вашей станции, вообще к эксперименту. Но когда-нибудь придет пора противоположной крайности.

– Спасибо, утешил.

– Ты, Энди, всегда был сторонником невмешательства?

– Потратить столько лет своей жизни, дабы удостовериться в изначальности собственной правоты. Что может быть лучше, правда? Профессор и Ульрика, как ты уже понял, ничем подобным не могут похвастать.

– С чем ты вернешься на Землю? То есть чем займешься?

– О, у меня куча планов.

Глеб понял. Энди догадывается, что Снайпс и Ульрика не вернутся.

– Правда, я вряд ли узнаю кого на Земле, будет трудно разыскать знакомых, – развивал свою мысль Энди, – но в этом, согласись, Глеб, есть и свои преимущества. Особенно, если вспомнить, что я брал кое у кого займы. – И вдруг другим тоном: – Профессор и Ульрика хотели *глубины*, так? Они ее получили. Но разве для этого надо было выламываться из человеческого нашего?! Надо ли было выламывать этих несчастных аборигенов из им предстоящего, им положенного? Огребли *глубины* по полной, кто бы сомневался. Но тебе не кажется, что *глубина* у них получилась мутной? Я, кстати, и не против. Но вдруг так захотелось чистоты. – Он удивился сам. – Чистоты глубины? Ладно, это не для моего мозга. – После паузы: – Все, что зависело от меня, я им сделал. – Он вернулся к прежнему тону: – Спроектировать биосистему, подогнанную под их любимую омегу – пожалуйста. Сделать так, чтобы в будущем у них был стимул к труду и творчеству, но чтобы никакой тупой, беспроектный труд не подавлял творчества... Я старался. Так что есть надежда, что мы получим философствующую, поэтичную и в то же время технически продвинутую цивилизацию. Между прочим, Ульрика в этом сомневается.

– А профессор?

– Для него это уже детали, пусть и довольно любопытные. Давай-ка еще. – Энди показал на свой пустой бокал.

Глеб разлил коньяк. Они салютовали друг другу бокалами, сделали по глотку и продолжили.

– Как знать, Глеб, может и нас в свое время скорректировал какой-нибудь инопланетный Снайпс?

– Вряд ли.

– Это потому, что мы получились не очень, да? Но наш «Снайпс» вполне вероятно мог быть вообще не антропоморфным, так что не удивительно.

– А что это у Снайпса здешнего за «последний шаг»?

– По-моему, это самогипноз.

– ДНК человека положила предел их фантазиям?

– И слава богу. Им и так удалось больше, чем положено человеку. А я, если честно, устал. И от того, что тебя каждый день призывают предвкушать новую эру (представь, можно устать от созидания мира Добра!), и от их бесконечной, бездарной скоблежки. (Почему мир грядущего счастья создается в унылых дрызгах?) Да! Оцени, профессор в порядке компромисса, дабы задобрить Ульрику, соизволил убрать у всех альфов генетическую предрасположенность к онкологии. – Энди начал хохотать. – Поставить крест на их будущей цивилизации и избавить от рака, до которого просто не будут доживать, если у них нет цивилизации.

Глеб заразился от него этим хохотом.

Уже на крыльце (Глеб вышел его проводить) Энди, глянув в окошко Марии, сказал:

– Я предлагал им скрестить твою соседку с современным человеком.

– Это пошло.

– Нет, я имел в виду пробирки и всё такое, ничего фриivolного, – замахал руками Энди. – Конечно, пошло. Но когда тебе всё время долбят: истина, смысл. А я вот, знаешь, мне бы просто жизни. Понимаю, да – «просто жизни» это тоже химера, только, в отличие от их химер без всего этого пафоса трансценденции и трансцендентного. В ней скепсис, уже хорошо, не так ли? «Просто жизнь» не дотягивает, конечно, она ниже истины, смысла...

– Но в ней есть что-то такое, чего не хватает истине, смыслу? Ты, Энди, начал об этом?

– «Просто жизнь», быть может, отчасти низка, но права – ниже, но шире истины, смысла.

– Может, была бы права, – ответил Глеб, – если бы не была сколько-то пошлой и с извечной своей претензией на тотальность.

– Но я имею право на пошлость, – начал Энди, – если она не агрессивна и...

– Это тоже химера, – перебил его Глеб.

– Право на пошлость?

– Пошлость без агрессии.

– А-а, ну да. То есть тебе вслед за Ульрикой тоже надо вступать в клуб профессора Снайпса. Ты же их – их до мозга костей. Я понял! А волею судеб тебя прислали закрыть нашу лавочку. – Далее, без перехода: – Как только профессор не бросился на поиски гена пошлости? Надо будет ему подсказать. Но право я всё равно имею.

– Но ведь ты не часто им пользуешься?

– Ты, кажется, пытаешься льстить?

9. Олени

Мэгги постучалась к Глебу, сказала почему-то шепотом:

– Пойдем быстрее.

Он прошел за ней следом в открытую настежь дверь Марии. Неужели случилось что-то? В коридорчике ее небольшой квартиры толпились люди. Это те, кто не уместился в ее крошечной гостиной. Вся команда станции собралась здесь. В недобром предчувствии Глеб протиснулся вперед. В благоговейной тишине все стояли и смотрели. На дальней стене комнаты, над диваном нарисованы олени: красный, зеленый, синий, еще не до конца просохшей густой гуашью. Они были похожи, сколько-то были похожи на наскальную живопись палеолита, только не было сцены охоты, оленям ничего не угрожало.

Мария стояла ту же, перепачканная краской до кончика носа.

Ульрика шепнула Глебу:

– Шла мимо, глянула в ее окошко и вот... Мы давно уже не думали ни о чем подобном.

– Да-а, – попробовал сказать кто-то и сам же осекся.

– Коллеги, – наконец-то сказал профессор каким-то глухим голосом. – Пойдемте.

Мария утомилась от нашего внимания.

– Я останусь, – сказала Мэгги. – Помогу отмыться. Самой ей не справиться.

Поздним вечером Глеб зашел к ней. Собирался постучаться, но дверь оказалась не запертой, только прикрытой. Он хотел посмотреть на оленей в темноте, при нижнем свете. Мария, переодетая в чистое, отмытая стараниями Мэгги, спала на диване под этим своим рисунком. Спала, свернувшись калачиком, спрятав нос куда-то под руку, не по-обезьянью даже, по кошачьи. Глеб догадался, что она сквозь сон сознает, чувствует его присутствие, но она не открыла глаз, ее дыхание ровно – она доверяет Глебу.

Он смотрел на оленей с нижней подсветкой (хорошо, что у Марии, видимо, уже не хватило сил, чтобы встать и выключить свет). Сейчас они были совсем уж похожи на пещерные рисунки древних людей Земли. Но красный олень улыбался. Была ли эта робкая его улыбка тогда, днем, а он не заметил, или же Мария, окрыленная успехом, пририсовывала после?

Сам не зная зачем, прошел к окну, к телескопу. Ей установили такой простенький школьный, на металлической мачте, воткнутой острием в напольное основание. Должны были пройти тысячелетия, прежде чем далекие потомки Марии начнут заселять звездное небо своими богами, а Мария уже знает, что в небе есть красные гиганты и белые карлики, ей уже рассказали о квазарах. А по ночам, должно быть, в своих кошмарах, она видит, как мужчины племени альфа вспарывают животы ее родителям.

Ульрика занималась с Марией в лаборатории, а Мэгги здесь. Обе смеялись, «как трудно, оказывается, рассказать «простыми словами», и «надо же, как много на свете вещей, о которых помимо двух-трех вполне школярских слов вообще ничего не знаешь».

Глеб, глянув рассеянно в телескоп, хотел уже направиться к двери, но вот на подоконнике, в стопке иллюстрированных журналов... Он вытянул за уголок. Это было старенькое пособие по искусству. Глеб пролистнул. Вот эти олени! Она срисовала как могла. Но цвета для оленей и улыбку для красного придумала сама. Глеб всё понял. Она слышала споры, знала, как Ульрика и профессор удручены тем, что «никто на этой планете никогда не нарисует оленя». Она жалела их.

Она нарисовала оленей для них.

В это время в доме напротив в небольшой столовой профессор и Ульрика. Перед профессором бутылка виски.

– Наверно, уже достаточно, – говорит Ульрика.

Снайпс наливает себе еще.

– Я понимаю, конечно, – цедит Ульрика, – не каждый день теряешь такой непробиваемый аргумент в пользу того, что вы сделали с альфами.

– Что ж, наслаждайся, – кивает профессор, – о таком подарке и не мечтала... м-да. Только смею заметить, племя Марии отличается кое-чем от племени альфа, потому, кстати, и проиграло.

– Тогда с чего вдруг траур? – Ульрика показывает на бутылку.

– Это я вообще, – пытается сказать профессор. – Устал. – И вдруг: – Скоро у омеги будут художники. Много художников.

Он снова выпил и снова налил.

– В самом деле, достаточно, – говорит Ульрика мягко. – Дело, конечно, ваше, ладно, пойду принесу вам льда.

Она встала, пошла к холодильнику, открыла дверцу, громко, нарочито громко выламывала ножом кубики льда из формочки, быстрым движением открыла ящичек кухонного гарнитура, что над холодильником, схватила что-то, спрятала в карман.

– Я всё вижу, ты отражаешься в зеркале.

– Я могу это сделать и совершенно открыто, – зло ответила Ульрика.

– Ты что, и вправду думаешь, что я собираюсь заесть эту бутылку виски таблетками, как только ты уйдешь? Я не настолько сентиментален... И всё, что я сделал с альфами, – ты слышишь меня? – всё было правильно!

– Мы пять лет повторяем друг другу одни и те же доводы и вот наконец появилось хоть что-то новое, а вы...

– Я всегда сознавал свою ответственность, – перебивает Снайпс, – и если надо, отвечу и перед НАСА, вообще перед Землей.

– А я вот всё отвечаю перед племенем альфа.

– Это слова, девочка. Только слова. Ты отвечаешь перед теми вполне земными вещами, в универсальности коих давно уже сомневаешься. В отличие от меня.

– Вот как? – сарказм в голосе Ульрики.

– Скажу больше, ты и отвечаешь, чтобы заглушить свои сомнения.

– А перед чем отвечаете вы? Только не надо мне ни про НАСА, ни про комиссию Конгресса и про человечество не надо, ладно?

– Ты не хуже меня знаешь, что омега, придет время, и будет *омегой* и ничем иным. И ты сделала для этого почти столько же, как и я.

– Вы уходите от ответа, – сказала Ульрика.

– Я ищу его, – улыбнулся Снайпс. – Я пока что в процессе. Но...

– Да, я запомнила, насчет племени альфа вы всё сделали правильно. Что-то можете добавить еще?

– В юности мне нравились стервозные женщины, – попытался Снайпс. – А вот насчет этого, – он указал на карман, куда она спрятала упаковку лекарства. – Я тронут, конечно, но ведь это на тебя так действует предстоящий скорый отлет?

Ульрика промолчала.

– А я вот, как ты, наверное, уже догадалась, – продолжал профессор, – останусь здесь. В оставшиеся мне лет этак двадцать-двадцать пять буду сидеть, давиться собственной правотой.

– Подождите, Роберт (она впервые назвала его так). Мы ведь еще не сделали то, что прикрываем эвфемизмом «последний шаг». Мы успеем. У нас будет время.

– То есть ты хочешь сказать, что если мы не успеем, – ты останешься?! – поразился профессор.

10. Странная ночь

– Не верю, что через месяц, ровно уже через месяц, я улечу отсюда, – говорит Мэгги.

Они с Глебом стоят на границе, там, где кончается станция, на самом обрыве плато. Под ними отвесная бездна. Где-то там, внизу, должен быть мир людей омега и альфа. Спящий сейчас. Над ними громадная ночь планеты «Земля второй попытки» со звездами, которых никогда не видели люди Земли, так же как и видны они для тех, кто живет в герметичных поселках на спутниках Юпитера или же на Плутоне, осваивается на планете Луби, открывает мир Саржа.

– А вот вернусь, и земное небо будет чужим, экзотичным, даже пугающим. Буду бояться Большой Медведицы? Маяться, тосковать при виде ее ковша?

– Что ты, Мэгги. Звезды не могут быть чужими и уж тем более враждебными. Пусть у нас с тобой разный опыт здесь... Они могут быть никакими, – добавил Глеб после паузы.

– Станция, – говорит Мэгги. – Уйти и не оглянуться. Я? Всем обязана ей, наверное. Но уйти, и уйти, и уйти.

– А Земля?

– Если ты о временных парадоксах, несовпадениях... А я и хотела, чтоб так!

Вернуться на Землю, с которой ничто не связывает, где нет уже тех, кто помнит тебя – чтоб до анонимности, до неузнавания пейзажа, себя самой в пейзаже. Не за-ради пустоты. В пользу чистоты возвращения, чистоты предстоящего тебе в земном бытии... Или же, может, во имя чистоты просто, как таковой, не имеющей отношения к тебе... А пустота, что же, – попыталась улыбнуться Мэгги, – так, побочный эффект. – После скомканной паузы. – Мы здесь вроде как пригубили от Истины, Смысла... может быть, от того, что поважнее будет Истины, Смысла... И не получили ничего.

– Вы дали, понимаешь, дали самой этой Истине, этому Смыслу! При всех ошибках ваших, несуразностях, тупиках – привнесли в них. – Глеб сбился.

– Если б это и вправду было так. – Она обняла его, прижалась. – Общность неудачи связывает с ними, да? Единственная связь. Ради этого стоило. – Она замолчала. Потом страстно:

– Значит, Истина есть, Смысл есть, и мы настоящие, столько холода, одиночества, тоски. Метафизика достигает самой себя лишь самой своей неудачей – вот чего не понял наш гениальный профессор Снайпс. Больше, глубже самой себя на неудачу. А нам ничего не надо.

– Это такая свобода и еще неприкаянность, – говорит Глеб. – Земля второй ли попытки, первой, космос, хаос – всё детали.

– Это гимн безысходности, – улыбается Мэгги. – Попытаемся жить без подпорок. Надо же когда-то начинать.

Они вошли к нему, не поняли даже, захлопнули дверь, нет... Не зажигая света...

Их губы, их руки, тела.

Компенсировать годы без любви, сделать их небывшими. Отменить суету, маяту, неподлинность своих прежних loves. Оставить позади себя самих: мелких, сентиментальных, самообольщающихся, себялюбивых в этих своих loves.

У них не было ничего подобного никогда раньше. Всё становилось сейчас откровением, всё было страстью, взрывом, трепетом, страстью, таинством, страстью, счастьем.

Счастье проснуться вместе. То есть он проснулся, а она всё еще спит к нему прижавшись. Это ее покой. Полнота покоя. Это ее дыхание. Он был счастлив.

Он на крыльце. Выбрался из кровати, не разбудив. Побоялся длить мгновение донельзя. Суеверно как-то испугался, что оно потеряет в своей глубине, чуть ли не станет сообразным ему-всегдашнему.

Скрипнула дверь квартиры Марии. Мария уже на крыльце. Прошла мимо с каменным лицом. «Опаздываю в лабораторию». Глеб не понял, была ли это ревность ребенка или же девичья, женская... Марии было плохо. Как просто, да? Она с детства видела «сцены» как само собой разумеющееся. И вот теперь страдает. И не сделаешь ничего.

11. Космические туристы

Команде четвертой и, как все теперь уже понимали, *последней смены*, предстояло сделать одно весьма грандиозное дело – установить за орбитой пятой, самой дальней от планеты луны противометеоритную защиту, застраховать эту хрупкую жизнь от экологической катастрофы или же от попадания смертоносного вируса или спор чужой жизни – чего еще можно ждать от небесного тела? Смена фауны и флоры, гибель сущего, апокалипсис – всё теперь отменялось заранее. Несколько тысяч лет космический зонтик будет работать автоматически, а потом потомкам племени омега надо будет уже самим. Кстати, это первая цивилизация, которая поймет, что ей помогли. И с этим знанием надо будет жить. Ничего, считает профессор Снайпс, для них это знание будет естественным, само собой разумеющимся, а не кризисным. Ничего, считает Энди, цивилизация будет настолько созерцательной, что они никогда не узнают о наличии «зонтика», а профессор поступает весьма опрометчиво, лишая их радости созерцания звездпада. Преступление перед будущей поэзией этих мест.

Итак, у них две недели, чтобы подняться в космос и смонтировать выведенные туда заранее элементы системы в систему. И еще две недели останутся, чтобы «собрать вещи», законсервировать всё, что подлежит консервации (профессор не говорил, но все понимали, что он остается. Насчет Ульрики тоже уже догадывались) и спокойно ждать корабля за ними. Спокойно? Возвращение на Землю без кавычек, комментариев, «вторых попыток»... Как там? Что? Как? Всё казалось настолько неважно перед лицом самого *возвращения*, пред одной уже только фонетикой этого слова.

А сегодня вся команда станции – двадцать мужчин и женщин поднимутся в космос на космических шлюпках и сателлитах и выполнят довольно рутинную работу по сохранению чужой истории, которая (будем надеяться, хотелось бы верить и тому подобное) когда-нибудь да начнется на этой планете.

– Профессор Снайпс простирает свою оберегающую длань над пространством изуродованной им жизни. – Высказался один из команды по поводу монтажа защитной системы.

На станции остаются только профессор, Ульрика, Энди и Глеб с Мэгги. Собственно, участие Мэгги предполагалось, но с учетом ее «медового месяца». В общем, все ей сказали: «оставайся». Ну да, две недели в космосе они как-нибудь переживут без психолога (многие считали, что и в эти пять лет на станции тоже вполне бы обошлось без него), а предстоящее *возвращение* делало всех великодушными и сентиментальными, «наслаждайтесь, ребята».

Третий день как команда в космосе. Профессор со своими друзьями (хорошо, что теперь никто не мешается под ногами за исключением Глеба) готовится к тому, что они навязчиво, можно сказать, занудно называют «последним шагом».

Он вызвал их аварийным сигналом. Они нависают над профессором в кресле у центрального пульта. На канале связи с НАСА чей-то доброжелательный, вкрадчивый голос:

– Приветствую вас, профессор Снайпс. Добрый день, доктор Дальман. Как поживаешь, Энди? Самые горячие приветствия очаровательной Мэгги Ларсон. Наилучшие пожелания мистеру Терлову.

Все пятеро переглянулись.

– Мы космические туристы. Направляемся к вам с санкции НАСА. – Голос будто почувствовав их напряжение и оторопь, стал еще доброжелательнее и вкрадчивее. – Ой, извините, забыл, точнее, не успел представиться, отец Габриэль.

– То есть? – спросил профессор.

– Святой отец, – пояснил голос.

Всеобщее: «а-а. Ну да».

– Со мной доктор Аврора Браун, доктор Джон Керенджи. Просим разрешения на посадку.

– Почему вы на этом канале связи? – спросила Ульрика, наблюдая по мониторингу за маневрами их корабля на орбите первой луны.

– Оператор Морган любезно предоставил нам, – ворковал отец Габриэль.

Последние десять земных лет оператор Морган и был для них голосом НАСА. Они не знали, что это значит, если НАСА предоставляет свой канал... Этого не было в практике раньше, значит, они отстали от жизни, что вполне естественно. Но почему их не предупредил сам Морган?

– Да, действительно, получилась накладка. – Отец Габриэль говорил так, будто они проговорили все эти свои сомнения вслух. – Но вы можете с ним связаться.

– Даю посадку, – вдруг сказал профессор.

– До встречи, – обрадовался отец Габриэль и отключился.

– Вы не торопитесь, сэр? – задумалась Ульрика.

– Девочка моя, – начал Снайпс. – За двадцать лет я видел только три земных корабля, если не считать тот, на котором сам прилетел на эту планету, и вот выпал шанс увидеть четвертый, который вообще не планировался в моей жизни!..

– Всё понятно. – Ульрика вызывала Землю.

– Да-да? – слышались позывные, а затем и голос оператора Моргана¹.

– Морган, почему вы нас не предупредили? – сдержанно-возмущенный голос Ульрики.

– О чем? – удивился Морган.

Немая сцена у центрального пульта на станции.

– Ах да! – спохватился Морган. – Я поручил Дугласу, это мой новый помощник, вы, наверное, помните, а он отвлекся, видимо. Но вообще-то у нас как раз идет смена руководства, так что, – доверительным шепотом, – сами понимаете.

Земля в очередной раз дает понять, что ей не до них и дает, судя по всему, не без удовольствия. Что ж, не впервой, но чтобы уж так!

Ну да, пятой смены не будет – они и без того уже поняли.

– Да-да, – говорит Морган. – Отец Габриэль, доктор Браун, между прочим, серьезный генетик, доктор Керенджи, космический антрополог, если хотите, мы вышлем на них все данные.

– Спасибо, не надо. – На профессора Снайпса произвела тяжелое впечатление демонстрация пренебрежения со стороны Моргана, этого клерка НАСА.

– Мы вообще-то привыкли, – поясняла Мэгги Глебу шепотом, – и я не знаю, чего это профессор уж так. – Сама же себе возразила. – Но чтобы узнавать о консервации эксперимента по косвенным признакам?!

Глебу трудно было судить, к чему они привыкли, но во всем поведении Моргана ему показалась некоторая чрезмерность. К тому же: если в НАСА всё уже действительно определено, зачем тогда была вообще нужна его инспекция?

– Что-то они там, на Земле, в самом деле форсируют, – согласился с ним Энди. И тут же, в своей манере: – Может, мне тоже не возвращаться?

– Что им какая-то там планета с антропоморфной жизнью, если у них меняется завод-делом, – мрачно съязвил Снайпс.

– А я всё-таки запрошу данные по нашим гостям, – грозно сказала Ульрика.

¹ Разговор приводится без учета задержки сигнала во времени.

– Слушайте, вы! – возмутился Снайпс. – Вы, наверное, каждый день натываетесь на людей с Земли? Осточертели они, правда? Отдохнуть бы от них, а они всё лезут и лезут, прямо хоть в НАСА жалуйся. Или, может, отстреливать лазером?

Это произвело впечатление. На своей станции они, кажется, позабыли, что есть, существуют и другие люди, миллиарды людей. Точнее, помнили об этом только формально. И еще: священник со своими двумя компаньонами – это последние люди с Земли, которых увидит в своей жизни профессор Снайпс.

В конце концов эти трое туристов не виноваты, что в НАСА дошли до такого хамства.

12. Встреча

Небольшой звездолет неизвестной им модели опустился почти бесшумно.

Они стояли и ждали, когда откроются люки. Всех проняло. Сами не ожидали. Сейчас увидят людей. Не голос по радио, не фигурки на экране, а настоящие земные... Этот ком в горле. Какой мелкой, недостойной показалась им вся их недавняя подозрительность. Как надо держаться с людьми? О чем говорить? Как это принято теперь у них, там, на Земле?

– Странно, – сказал Энди. – Всё пытался представить, как на Земле будут встречать нас, а вот получается, мы встречаем землян. – Эти «земляне» были у него специально, чтобы вызвать раздражение, сбить пафос.

Наконец, люк открылся. Первым вышел лысоватый, пухленький человечек в сутане. За ним могучего сложения с волевым открытым лицом, длинные седые волосы зачесаны назад, подал руку худощавой остроплечей женщине с коротко постриженными волосами.

Объятия, рукопожатия, объятия. И Снайпс, и Энди, и Ульрика задыхались от радости, от какого-то странного чувства, точней, целой гаммы чувств – они не одни, не одиноки, не брошены в Космосе, они человечество, может быть, даже братство. (Чувствовать то, что все эти годы было твердым, бесспорным, но в самом деле формальным знанием!) Они помнят земные запахи, не забыли названия даже самых незначительных земных вещей! Не забыли, что такое пожать руку, ощутить своими губами кожу человека с Земли, будь это жесткая, с щетиной, что не видна глазу, но колется при прикосновении щека Джона Керенджи или же нежная, с едва различимым ароматом духов щека Авроры Браун.

Всё было откровением. Потрясло. Никто не стыдился слез. Они че-ло-ве-че-ство. Вселенная обогрета, хоть сколько-то, человеческим усилием в глубину Вселенной, человеческим поиском истины, человеческим братством.

Глеб, в отличие от остальных, недавно с Земли, но и его захлестнуло этой волной. По целому ряду незначительных примет ему показалось, что гости не совсем с Земли. Ну да, много путешествовали по закоулкам галактики, прежде чем прилететь сюда. Частный звездолет не для челночных рейсов, пусть даже таких уникальных как «Земля – Земля второй попытки».

Аврора Браун при всех своих слезах радости быстрым, цепким, натренированным взглядом оценивала корпуса лабораторий, будто запоминала расположение. Или это Глебу лишь показалось? Да, конечно же, показалось.

– Не обращайтесь внимания, Глеб, – рассмеялась Аврора Браун. – Это у меня профессиональное, точнее, профессиональная аберрация, ха-ха.

Глеба кольнуло, как это она перехватила его, в общем-то, случайное недоумение? И зачем этот ее комментарий? Кстати, почему у генетика именно такие аберрации? Но всё это было так, всё неважно, когда столько счастья и радости.

В доме профессора Снайпса самый разгар банкета. Они, увлекаясь, сбиваясь, мешая друг другу, пытаются пересказать гостям свои годы, свою жизнь здесь, сам этот открытый ими, ими созданный мир. И вот, в счастии, в радости этой минуты то, что не удалось им, то, что мучило, давило, лишало воздуха, вдруг показалось не столь уж и страшным, не столь уж значимым. Профессор сам поразился, усмехнулся, но...

Гости говорят о Земле, о мирах, где побывали. Отец Габриэль – чудесный рассказчик. Наконец-то они на станции узнают о Земле не из дайджестов НАСА.

Рассказы отца Габриэля... Глеб вдруг понял, что в них было не так – стиль. Они какие-то литературные, что ли. Литературизированные. Ну и что? Что? Это вопрос лишь стиля. Человека и стиля. Какая разница сейчас, если в них речь идет о Земле.

– Друзья, – поднялся профессор Снайпс. – У меня появился тост...

Гости наотрез отказались от коттеджа. Они будут жить в своем звездолете. Они так привыкли, правда. И не хотят стеснять гостеприимных своих хозяев. Мэгги настаивала, ведь ее домик свободен ввиду переезда к Глебу. Ей казалось, что гости устали от своего корабля, даже если не хотят признаться или же в самом деле не замечают этой усталости.

– Ну что за церемонность такая! – поддерживал ее, возмущался профессор. – Нет, в тысячный раз нет, вы не стесните нас.

Но гости мягко, деликатно, со всеми расшаркиваниями настояли на своем. И надо признать, в этом была своя логика. В самом деле, куда их? Гостевой коттедж занят. Запихнуть всех троих в домик Мэгги? Ничего нет проще – разместить в домах тех, кто сейчас в космосе, но неловко, там же вещи, быт... Получается, гости правы? А до них не сразу дошло из-за всеобщей радости, эйфории встречи.

– Почему они прилетели как только все наши вышли в космос? – сама не зная зачем, спросила Ульрика.

– Мы погостим у вас три дня, если вы не против. – Пояснял отец Габриэль.

– Против. Конечно же, против, – возмущался профессор Снайпс. – Покрыть такие расстояния, рисковать...

– Дети мои, ну какой же тут риск! – умилился отец Габриэль.

– И всё ради каких-то несчастных трех дней! – продолжал своё Снайпс. – Это немилосердно. Не по-христиански, в конце-то концов!

Переглянувшись со своими, отец Габриэль сказал:

– Мы останемся на неделю.

– Ура! – обрадовались все.

Правда, в криках Энди была и какая-то ироническая нота, но это, скорее, самоирония, у него же это на автомате.

Вот уже и Джон Керенджи поднимается в звездолет. Глеб смотрит на его могучую спину. При росте за метр девяносто в нем килограммов сто двадцать как минимум. Он одевается так, чтобы мускулатура не слишком бросалась в глаза. Он явно ее затушевывает, но Глеб видит, что, несмотря на возраст (ему чуть-чуть за пятьдесят), это упругие, быстрые, взрывные мышцы.

Керенджи уже из проема люка повернулся к нему, сказал с простодушной улыбкой:

– Я был командиром отряда по экстраординарным ситуациям (космический спецназ), вышел на пенсию, у нас ранние пенсии, ты же знаешь, и вот, путешествую.

Уже вечером, когда они останутся одни, Глеб скажет Мэгги:

– Я точно знаю, у него на затылке не было глаз.

– А почему они не пригласили нас в свой звездолет? – вдруг поразила Ульрика.

– Мы же не знаем, может быть, так на Земле теперь не принято? – пожал плечами профессор Снайпс.

Вечером Ульрика получила с Земли ответ на свой запрос насчет гостей.

– Надо же, как они быстро отреагировали! Исходя из того, что было утром, я думала, что НАСА соизволит ответить не иначе, как через месяц.

Биография каждого, с массой мелких, излишних подробностей. Всё правильно, всё сходится. Да, действительно, отец Габриэль, доктор Аврора Браун, отставной командир отряда «Космические волки» Джон Керенджи, тоже доктор.

13. Гости знакомятся с планетой

Утро следующего дня они начали с экскурсии для гостей. Что творилось с профессором Снайпсом! Он как будто помолодел на двадцать лет. То есть стал таким, как вначале, когда только прилетел на планету, начал создавать свою станцию? На неделю забыть о неудачах и разочарованиях, надеть маску чудаковатого, не от мира сего ученого-энтузиаста, каким он всегда и хотел быть, но вот не сложилось... Эта его игра в себя самого, в лучшего самого себя, если точнее... Его недельная передышка перед этим их «последним шагом»? Глебу вдруг показалось, что профессор хочет не просто перевести дыхание, но отвлечься от сомнений насчет этого самого «шага». (Чем меньше остается времени, тем больше становится сомнений и у профессора и у Ульрики. Глеб пытался поговорить с Ульрикой, но она не признавалась.)

Профессор выстраивал экскурсию так, чтобы не показывать племя альфа. У них-де сезонная миграция и вообще... Но гости вежливо, с улыбками и расшаркиваниями настаивали. Это стиль, понял Глеб. И получится так, что все эти дни они вежливо добьются от них всего, что им нужно. А что, собственно, нужно им?! Глеб поразился, как ему этот вопрос не пришел в голову раньше. Как он не пришел в голову им всем? Гости прекрасные, чудные люди, и дело даже не в той эйфории, что вызвана неожиданным появлением на станции людей с Земли. Они действительно были такими: добрый, милый, чуточку старомодный (с точки зрения Глеба, у остальных несколько иное представление о старомодности) отец Габриэль, мужественный, сдержанный Керенджи, умная, умнейшая, мгновенно всё схватывающая Аврора Браун. Чуть суховатая, да. Но в этой ее сухости, замкнутости был свой шарм. (Во всяком случае, Энди решил, что так.) А само отношение их к хозяевам станции – столько добра, дружелюбности, может, даже и в самом деле, братства. Пусть отец Габриэль слишком, может быть, много говорит на эти темы. Но это опять-таки стиль, и только. Неуклюжий, неловкий стиль доброго человека, говорящего о добре. Они поняли так, и не придирались к стилю. («Это возвышает нас в собственных глазах, не правда ли», – иронизировал Энди.) Всё правильно, и всем хорошо, счастливо, радостно было в эти дни. Но их гости совсем не похожи на праздных туристов, на восторженных дилетантов.

– А почему мы вообще решили, что туристы должны быть праздными? – возмущался профессор. – Это же штамп. Понимаю, штампы бывают верными. Но этот, видимо, устарел, вот и всё.

– Не кажется ли вам, сэр, – говорит Ульрика, – что, судя по всем их вопросам, они как-то уж очень много знают про наши эксперименты, да и вообще про нас. – Ульрика взяла паузу, но сама же не удержала. – Подозрительно много. Неужели НАСА так охотно посвящает людей с улицы в такие детали?

– Ульрика, милая, – говорит Энди, – мы с тобой не были на Земле полвека, пропустили пару технологических революций, сколько-то экономических кризисов и духовных...

– Покороче, если можно, – перебила его Ульрика.

– Я к тому, – Энди как всегда доволен, когда Ульрика злится, – что на Земле вполне могли измениться представления о секретности и открытости, и о том, что есть такое «человек с улицы».

– Не до такой же степени, – сказал Глеб. – Ничего там на эту тему, в общем-то, нового не было.

– Оптимизм нашего милого Энди вызван тем, что на Аврору Браун, кажется, подействовали его флюиды.

– И что, ты ждешь, что я сейчас покраснею как мальчик? Нет, как скажешь, конечно, могу и покраснеть для вящего твоего удовольствия.

– Я бы хотел, чтобы Аврора Браун была в моей команде, – вдруг сказал профессор.

– Дело не только в ее квалификации, она действительно потрясает. – Ульрика демонстрировала широкий взгляд на вещи. – Но никакая квалификация не объясняет, почему она так много знает о том, что делается на станции, почему в курсе даже тех подробностей эксперимента, в которые мы не посвящали Глеба. Вам, профессор, не показалось, что, задавая вопросы, наши гости на самом-то деле знают ответы?

– Что? – недоуменно переспросил Снайпс.

– Но вы же так увлечены этой своей ролью, – не удержалась Ульрика. – Вам не до таких нюансов.

– Кажется, Ульри права, – ухватила Мэгги.

Ульрика нашла слово для того, что сама Мэгги только лишь смутно чувствовала. Во всяком случае, с некоторыми вопросами космических туристов было именно так.

– То есть, вы считаете, что трое наших гостей и есть настоящая инспекция?! – изумился профессор Снайпс.

Никто об этом и не думал, но когда он сказал!

Мэгги взяла Глеба за руку.

– А я, знаешь ли, спокоен. – говорит ей Глеб. – Пусть заодно и проверят, как я проверял вас. Я даже буду настаивать, чтобы оценили качество моей инспекции.

– Если это и проверка, то мы, кажется, проходим ее вполне успешно. – Непонятно было, Энди говорит это всерьез или же издевается.

– Ну да, братство проверяющих и проверяемых, – бросила Мэгги. – Любовь персонала станции к высокой комиссии.

– Кстати, о любви, – говорит Ульрика, – может, тебе стоит ускорить развитие отношений с доктором Браун, чтобы мы прошли инспекцию уж наверняка.

– Хватит! – закричал, затопал ногами профессор. – Хватит!

Все замолчали, и в тишине всем вдруг сделалось ясно: радость и счастье закончились. Внезапно. Бездарно.

А деваться некуда. И будешь отбывать свой номер. Только вот зачем? Что им проверка? Чего им бояться? На что надеяться? Но все понимали – наступит завтра, и всё пойдет так, как было задано самой этой *встречей*, с улыбками, объятиями, рукопожатиями, признаниями в дружбе и любви, с проявлениями любви невысказанной, дружбы, что не нуждается в слове, боится жеста и слова.

Профессор сказал что-то жалкое «о проклятой бюрократии» и сам же осекся.

Это ощущение помойки в душе.

14. Гости в лаборатории

И вот наступило завтра. Продолжилось знакомство с планетой, шло по согласованному с гостями графику. И постепенно, «при свете дня» вчерашние страхи оказались преувеличенными. Словоохотливый, несколько приторный священник. Но его болтовня уравновешивалась сдержанностью доктора Керенджи, который к тому же оказался неплохим специалистом по космической антропологии. Доктор Браун действительно много спрашивала, но спрашивала вроде бы по-настоящему, то есть не зная ответов как это было вчера (как им вчера показалось!), не для отвода глаз. И опять проявления дружбы, душевности, братства, и опять изъяснения в них. Единственное, что смущало: гости не могли не видеть изменения в настроении хозяев, сколько бы они, все пятеро, ни маскировали это своё, сколько бы ни пытались соответствовать. Но гости вели себя так, будто всё стало еще радостней, еще счастливее. Впрочем, наверно, из такта. Такт переходит в фальшь? Но гости не чувствовали за собой вины. Но должна же быть хотя бы неловкость за такую вот лицемерную проверку! Черт возьми, проверяйте, но зачем же при этом лезть к ним в душу с любовью и братством? А если они всё это специально?! Тогда должно было быть удовольствие от манипуляции, от игры в кошки-мышки с проверяемыми. Но удовольствия вроде бы тоже не было. То есть они искренние?!

Мэгги пыталась понять, в какой области специализируется отец Габриэль. Но всё было настолько расплывчато. Получается, что он просто священник? Но Земля не могла позволить себе такую роскошь, перелет к ним до сих пор для НАСА операция уникальная и дорогостоящая, и в составе комиссии прислать человека просто так?! С Керенджи и Браун всё понятно, проверяют каждый по своей специализации, а отец Габриэль?.. Для полноты проверки на его месте должен быть, ну, астробиолог, биохимик хотя бы, а вдруг это не проверка вовсе? Тогда что? Что?! И тут Мэгги начал разбирать смех. Тогда это космические туристы! Она предвкушала уже, как вечером Энди будет издеваться над этим их приступом коллективной паранойи вперемежку со шпиономанией. Но эти вопросы Авроры? Она спрашивает так, будто слышала вчера их подозрения, что ей известны ответы, и теперь ненавязчиво так показывает, что *нет*. Всё! Кажется, Мэгги Ларсон уже сама нуждается в психотерапевтической помощи. Или уже в психиатрической? Хватит. Возвращаемся к реальности. Для начала надо сосчитать до ста. Это всегда помогает. Мэгги добросовестно сосчитала, а потом подумала: «что если гости установили подслушивающую аппаратуру?» То есть надо проверять комнаты, лаборатории, ангары? Но у них на станции нет такой техники, и не могло быть. Они же летели в палеолит, кто мог их прослушивать в палеолите? Только ни одна комиссия, никакая инспекция не будет подбрасывать им «жучков» или как это там называется... Вот второе уже доказательство, что они не проверка от НАСА. Жаль только, что кажется последнее... А туристы могли бы прослушивать их? Энди, будто спровоцированный Ульрикой, усилил излучение флюидов на Аврору Браун. Кстати, она оказалась не такой уж и буквой. И ее цепкий, холодный взгляд, что удивил Глеба при первом контакте... вроде бы больше не было ничего такого. Стало быть, Глебу тогда показалось. Да, Глеб и сам не настаивает. Стало быть, мы просто-напросто одичали здесь, на станции, скоро, наверное, на людей бросаться начнем.

Ульрика и профессор выворачивались перед гостями наизнанку, выворачивали все свои лаборатории – вот, никаких секретов, и неважно, проверяющие вы, непроверяющие. Мы не знаем, что там у вас на Земле считается открытостью, но мы, как видите, открыты и для туриста и для инспектора НАСА. И по мере движения от одного лабораторного комплекса к другому они успокаивались, так сказать, в процессе.

К середине дня все успокоились полностью. Им уже было неловко за свою вчерашнюю истерику. Но осадок. Да, конечно, осадок.

– Так бывает в кошмаре, тебя душит твой муж. Просыпаешься, сердцебиение, пот, слава богу, что сон. Муж с самым невинным видом посапывает на своей подушке, а ты – всё понимающая, да? – дуешься на него всё утро. – Прокомментировал их общее настроение Энди, обращаясь почему-то к Мэгги.

– Всё бы отдала, чтобы ты оказался прав, – ответила Мэгги.

Энди нашел минуту. Пригласил Аврору Браун сегодня вечером: «Там над обрывом такие звезды. Вы должны это видеть».

Уже к концу сегодняшней программы, когда, казалось, все ходят по кругу, повторяя одни и те же подозрения, одни и те же успокоительные доводы... Когда все они убедили себя, что свободны от ситуации... Да, конечно, если эта такая проверка, то это подло. Но, в самом деле. Что им проверка? Если это туристы, то все становится безобидно, только слащаво и лицемерно. Но что им туристы? Улетят к концу недели... Так вот, к самому финишу этого долгого утомительного для Глеба дня кольнуло вдруг: почему, обсуждая эксперимент, вникая в детали, гости не касались совершенно той проклятой «нравственной составляющей»? Отец Габриэль сразу же принял о «пределах вмешательства в Замысел Божий». Всё. С Глеба хватит. Можно на этом и успокоиться. Священник в комиссии, чтобы как раз и заниматься нравственной составляющей. Кажется, всё сошлось. Или же это как тогда, когда Керенджи спиной, затылком почувствовал, что Глебу показалась подозрительной его гипертрофированная мускулатура. Слишком уж быстро отреагировал отец Габриэль. Стоп. Он сегодня же вечером ляжет к Мэгги на гипноз.

И вот тут, когда все уже устали и от гостей и от самих себя, от самого действия, да и гости устали, и ничего уже в принципе не могло произойти больше...

– А теперь давайте пройдем в нашу «студию мозга», – предложил Снайпс.

Он специально оставил это под самый занавес, чтобы уставшие гости отмахнулись, отложили на завтра или же просмотрели бегло. (Он озвучил им самый нейтральный, безобидный вариант названия.) Это единственное в лабораторном комплексе, что они хотели показать, не показывая.

Ноги Авроры Браун сами, на автомате повернули к дверям «студии». А в НАСА об этой части эксперимента не знали. Вообще! (Снайпс собирался отправить отчет по этой работе лишь после отлета четвертой смены.) Об этом никто на Земле ничего не знает. А доктор Браун в курсе, за какой это находится дверью.

И всем пятерым стало страшно.

15. Кто же они такие

Гостиная в доме профессора превращена в штаб. Да, они не могут выявить подслушивающую аппаратуру, но вывести ее из строя... Энди сконструировал один нехитрый приборчик, и теперь в радиусе десять метров ни одно устройство (за исключением радиосвязи) вообще работать не может.

– Итак, что мы имеем? – в который раз уже вопрошал профессор Снайпс.

– Кажется, наоборот, имеют нас. – В конце концов, ответила ему Мэгги. – И, кажется, весьма успешно.

– Тише! – кричит профессор.

И все замолкают. НАСА наконец-то вышло на связь.

– Слушаю вас? – ответил Морган после обычных своих позывных.

Профессор Снайпс, задыхаясь, сбиваясь, изложил, в чем ужас их ситуации. Морган был оптимистичен и невозмутим. НАСА доверяет отцу Габриэлю и его команде, всё по плану. Они, разумеется, будут осмыслять информацию, полученную от профессора... и как только... в смысле, выйдут на связь сами.

Резким движением Глеб вырубил связь.

– Ты что! – поразились все.

– Это имитация. Неужели не поняли?! – кричит Глеб. – Они заблокировали канал связи с НАСА и включили имитационную программу. Компьютер голосом Моргана говорит нам приятные успокоительные вещи, безусловно, имеющие психотерапевтический эффект.

– Ты уверен? – спросила бледная Ульрика.

– Реальный Морган начал бы с того, что пригрозил бы вам всем судом за утайку части экспериментальной программы.

Профессор бросился проверять другие каналы связи. Ни один не работал. Покрытый холодным потом, он пытается вызвать свою команду, что сейчас монтирует «зонтик». Тот же результат.

– Это потому, что у вас трясутся руки. – За дело берется Ульрика.

– У тебя трясутся еще больше, – сказала ей Мэгги.

– Увидев, что связь заблокирована, они поймут, что что-то не так, и вернуться! – проблеск надежды у всех.

– Скорее всего, они сейчас мирно общаются с компьютерным профессором Снайпсом из аналогичной имитации, – говорит Глеб.

– Они же все равно поймут, что что-то случилось. – Все еще надеялась Мэгги. – И поймут быстро.

– А мы с вами быстро поняли? – спросил Глеб.

– Очевидно, ваша электронная версия, профессор, прикрикнула на людей, чтобы не отвлекали по пустякам, – сказала Ульрика. – А чего им, собственно, вас отвлекать, операция по монтажу «зонтика», пусть и грандиозная, но достаточно типовая.

– Значит, мы можем рассчитывать только на свои силы, – кивнула Мэгги. – Во всяком случае, пока.

Звонок в дверь поверг всех в ужас.

– Это Энди, – сообразила Ульрика. – Вернулся со свидания.

Вошедший Энди был усталым и хмурым:

– Звездное небо над головой не произвело на Аврору ни малейшего впечатления.

– А нравственный закон внутри? – Мэгги пыталась язвить для поддержания духа. – Мы можем хотя бы надеяться, что он у них есть?

– Мне даже не удалось ее поцеловать, – продолжил Энди.

– Что, твои чары совсем не подействовали? – Ульрика спрашивала без малейшего сарказма.

– Она выстраивает отношения так, будто это начало долгого, неторопливо разворачивающегося романа.

– То есть ты хочешь сказать, что они не собираются улетать отсюда? – вцепилась в него Мэгги.

– Какое счастье было бы, если они в самом деле являли собой такую вот инспекцию НАСА, – вдруг сказал профессор.

– Энди, – напряженное, злое лицо Ульрики, – Аврора не поняла, что мы знаем?!

– А мы как раз ничего и не знаем, – будто самому себе сказал Глеб.

– Нет, по-моему, – ответил Ульрике Энди. – Нет. По-моему, нет.

– Кому вы доверили! – бросила Ульрика Снайпсу.

– Хочешь сказать, надо было послать на свидание тебя? – наконец Энди вернулся к своему всегдашнему тону. – Это было бы правильно. У тебя же, Ульрика, больше выдержки, ты прекрасно контролируешь себя, твоя реакция куда быстрее моей.

– Мы имеем дело с инопланетным разумом. – Профессор сказал, и ощущение было такое, что его успокоил этот собственный вывод.

– То есть теперь мы из всемогущих демиургов перебрались в разряд подопытных кроликов? – усмехнулась Ульрика.

– Сверхцивилизация-таки догнала нас? – спросил Глеб профессора.

– Нас догнала наша старая фобия и только, – ответила Мэгги.

– Мы должны бороться, – чеканила Ульрика. – Может, они и не сильнее нас. Или же сильнее не настолько, чтобы борьба вообще не имела смысла. Бороться так, будто наша борьба имеет смысл.

– А что, если борьба не нужна вовсе? – начал Глеб. – Это не злой умысел с их стороны, а неумение вступить с нами в Контакт. Мы бы на их месте, что бы делали мы? Примерно то же самое.

– С той только разницей, что мы добро, – перебила его Ульрика.

– Ты рассуждаешь сейчас на уровне племени альфа, – ответила ей Мэгги.

– Я не знаю, конечно, – продолжает Глеб, – но всё, что случилось между ними и нами, есть лишь недоразумение, череда недоразумений. Во всяком случае, возможность этого остается, и мы должны её использовать до конца. Не имеем права не использовать.

– А ты понимаешь цену ошибки? – тихий голос Энди. – Чем мы заплатим, если ты вдруг неправ.

– Почему же они не пришли к нам сами, – размышляет Мэгги. – В своем обличии, я хотела сказать... Неужели они считают нас неготовыми к Контакт? Это значит, мы никогда не будем готовы к Контакт?!

– Я сейчас! – Глеб бросился вон из комнаты.

– Если мы имеем дело с инопланетным разумом, – начал профессор, – это может означать только одно: их по каким-то своим причинам заинтересовал наш эксперимент.

– Я, конечно, польщена, – ответила Ульрика, – но не переоцениваем ли мы...

– Если бы им была нужна Земля, – не дослушал ее профессор, – они бы вышли на контакт с Землей, а не заглушали бы каналы связи с НАСА.

– Каким может быть их интерес? Свернуть эксперимент или же как раз развить его... – размышляла Ульрика.

– Мне показалось, что они равнодушны к метафизической составляющей стороне того, что мы делаем здесь. Должно быть, у них какая-то совсем другая мораль. – Мэгги срывается на крик. – Они чудовищны! Я поняла. И надо готовиться к худшему.

– Неужели чудовищнее нас? – пожал плечами профессор. – Мы же вот при всей своей озабоченности «этической уязвимостью» так и идем до конца.

– Без меня, – вдруг сказала Ульрика.

– Как? – опешил профессор.

– Кажется, я до конца как раз и дошла, причем давно, только не заметила этого. Я уже с «другой стороны» конца.

– То есть ты, Ульрика, боишься, что *они* используют наши опыты во зло? – спросил профессор.

– Куда уж больше! – рассмеялась Ульрика.

– А может, их как раз интересует наша претензия на создание мира Добра! – зашумел профессор. – Как это не пришло в твою голову! Если б хотели зла, неужели б не обошлись без нашей помощи?

– То есть вы считаете, босс, – начал Энди. – что это такое своего рода божество из машины, чтобы разрешить всё наше неразрешимое, распутать то, в чем мы запутались, да? А почему бы и нет? – закончил он совсем другим тоном.

– Если нам предстоит Контакт, – Мэгги казалось, что у нее сейчас лопнет голова от разрастающейся головной боли. – я *за*... Но если он будет в форме сотрудничества по эксперименту. – вы не вправе, профессор Снайпс, пока не узнаете их истинных целей, мотивов и прочего. У вас есть что-нибудь от головы, профессор?

– Не тебе решать, – хлопнул ладонью по столу Снайпс.

– Теперь уже и ей, – совершенно спокойно сказала Ульрика. – Перед лицом того, что...

– Да вы с ума посходили! – вскочил, забежал по комнате Снайпс.

– Это бунт, – улыбнулся Энди.

– Нам помогут создать мир Добра! – клокотал профессор, – укажут, в чем мы неправы, выведут из тупика, а вы, вы! – он задыхался. Навалился на стул, достал трясушимися руками какой-то пузырек, влил в рот несколько капель. – Сейчас... уже лучше, да.

– Надежда была бы, если *они* пытались закрыть эксперимент по нравственным основаниям. – Мэгги стояла с закрытыми глазами, прислонившись к стене.

– Но ведь это тоже было б неправильно, – поразилась Ульрика. – И если бы так, *они* были б неправы.

– Я как раз об этом, – еле слышный голос Мэгги. – Надежда была бы, если *они* были бы *так* неправы.

В комнату влетел Глеб.

– Вот. Мой персональный радиопередатчик. Он вряд ли блокирован. Просто потому, что я им не пользовался ни разу. Какой-нибудь из сигналов да пробьется на Землю.

Они испробовали все каналы, и безрезультатно. Значит, где-то на орбите стоит ловушка, глушилка. Это всё.

– Что же, будем учиться признавать свои поражения, – скривился Энди.

– Оператор Фриман Морган на связи. – Голос Моргана.

– Получилось! Да-а! – закричали все.

– Морган, это Терлов. Всё, что ты сейчас услышишь, не есть результат коллективного психоза, не плод массовой галлюцинации.

– Я высылаю данные по вашим гостям, – сказал Морган, когда Глеб закончил. – Я посмотрел, пока тебя слушал. Я сейчас доложу по начальству, будем разбираться, в экстренном режиме, разумеется. Ну, а насчет того, что это не коллективный психоз, вы всё же все вместе еще раз подумайте, ладно? В общем, я на связи. Держи нас в курсе. Удачи.

Они изучали распечатки. Какое счастье, что существует Морган! Счастье, что у них там в НАСА есть «экстренный режим». Счастье. Но что это? Все те же данные, которые они уже получили от имитации Моргана. Слово в слово! Найти хотя бы одно отличие, да? Неужели это опять было общением с компьютерной программой? Тогда *они* не просто побеждают – издеваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.